

ЧАЙКА ДМИТРИЙ

КУПЕЦ ИЗ
БУДУЩЕГО

Annotation

Наш современник попадает в Темные века. Античный мир умер, а Средневековье еще только начинается. Из глухих лесов все смелее выходят славяне, захватывая новые земли. Главный герой попадает в худшую из возможных ситуаций. Он – раб. Сможет ли он воспользоваться знаниями, что даны ему жизнью в двадцать первом веке, или так и останется в неволе? Шанс есть. Суровая жизнь в то время дает необыкновенные возможности... Это первая книга из цикла «Третий Рим». Книга содержит нецензурную брань.

Купец из будущего

Дмитрий Леонидович Чайка

Утро всполошило лагерь неслыханной новостью, и воины ринулись к королевской ставке, пытаясь увидеть там хоть что-то. Все деревья были облеплены сидящими на них зеваками, которые передавали дальше то, что увидели и услышали от глашатая, стоявшего на помосте и зачитывающего длинный свиток.

– Ну, что там? – жадно орали снизу тем, кто сидел на опасно прогнувшихся ветвях.

– Глашатай сказал, что она десять королей убила, – ответили сверху.

– Вот сволочь! – воины раззявили рты в полном изумлении. – Десять королей? Ишь, ты!

– Раздевают! – восторженно заорал вихрастый мальчишка-раб лет десяти, забравшийся выше всех еще до рассвета. – Королеву раздевают!

– И как она? – проснулся интерес воинов, которые не видели ничего из-за моря голов и спин стоявших перед ними.

– Старуха, как старуха, – разочарованно сказал мальчик. – Я думал, она в теле будет, а она сморщенная, как печеное яблоко. И избитая вся...

– Так ей годов сколько, – успокоили его воины. – Говорят, ей лет сто уже. Не иначе, колдунья. Кто бы еще десять королей—воинов погубить смог. Их же волосы защищают. Точно тебе говорю, колдунья!

– Какую-то животину страхолюдную привели, – мальчишка изумленно тыкал грязным пальцем куда-то вдаль. – Я про такую и не слышал никогда! На нее сажают!

– Верблюд это, малец, – успокоил его умудренный годами воин, тоже забравшийся на ветку, но пониже. – Мы их в Аквитании видели, когда на короля Гундовальда в поход ходили.

Королеву верхом на огромном животном провели по всему лагерю, чтобы этим зрелищем смогли сполна насладиться все без исключения, а потом передали своим внукам. И впрямь, о чем еще рассказывать долгими зимними вечерами на глухом хуторе, как не о том, что видел такое диво. Как старую Брунгильду, победившую десять королей, исхлестанную бичами, возили на неведомом животном, которого дети, испуганно сверкающие глазенками, в этой дыре и не увидят никогда.

А пока женщина, имени которой еще недавно страшились самые отважные мужи, ехала по воинскому лагерю, где ее осыпали проклятиями, где в нее бросали камни, грязь и нечистоты. Старуха не согнула спины и не показала страха. На ее лице было написано презрение к черни. Она дочь короля, жена короля, мать, бабушка и прабабушка королей. Эти люди вокруг не стоят ее мизинца, так что ей их оскорбления? Разве может обидеть собака? Воины удовлетворились невиданным зрелищем, а королеву стянули с верблюда, бросив на землю. Она даже обрадовалась этому. Ведь ее ноги были в ожогах, и она стояла с огромным трудом, испытывая мучительную боль. Вся знать трех королевств ходила и смотрела на ее унижение. А некоторые из тех, кто еще совсем недавно пресмыкался перед ней, платили палачу, чтобы он лишний раз прижал к ее коже горящий факел. Лицемерные негодяи!

– Коня привели! – заорал сверху парнишка. – Ее за ноги привязывают!

– По обычаю тюрингов казнить решили, – удивленно покачали головами воины. – Отродясь у нас таких затей не бывало. Ну, кулаками забьют до смерти бабу какую, ну утопят, как тещу старого Хлодвига. Или придушат, как Хильперик свою жену-испанку. Но чтобы

так... Не по-людски даже...

Два королевских лейда (1), взяв под уздцы коня, запряженного страшной упряжью, поскакали, набирая ход. Королева, тело которой нещадно колотило о кочки и камни, взвыла из последних сил, и вскоре замолкла. Видно, старуху хорошо приложило по голове. Дальше уже таскали бесчувственное тело, а лейды тянули коня, дуреющего от запаха крови, то влево, то вправо. Наверное, они это делали для того, чтобы удары о стылую землю посильнее размотали грязные клочья, еще недавно бывшие телом повелительницы Запада.

Сам король Хлотарь II стоял на помосте и смотрел на казнь с легкой усмешкой. Длинные, как у всех Меровингов, волосы были заплетены в две косы, длиннющими змеями спускавшиеся до пояса. Король был одет в римский багряный плащ, штаны и кожаные чулки до колен, перевитые лентами. От простого воина его отличала, пожалуй, лишь рубаха из переливчатого имперского шелка, да широкий пояс с золотой насечкой, который стоил как крепкая деревня. Рядом с королем держался мальчик лет пяти, с волосёнками, спускающимися до лопаток. Это наследник Дагоберт, догадался раб, завистливо поглядывая на роскошный и явно очень теплый плащ принца. Ну вот, и самого короля увидел! День, определенно, удался.

Все самое интересное закончилось, а мальчишка-раб белкой спустился с дерева и побежал к кибитке хозяина, который уже отчаялся его дождаться.

– Само, мелкий засранец! – прорычал разъяренный купец. – Я и так потерял кучу денег, а тут еще ты пропал, дармоед проклятый!

Его хозяин, по имени Приск, был одет так, как одевалось римское население по всему Средиземноморью. Простая туника с поясом, сандалии и закругленный снизу плащ-сагум, в который так удобно было завернуться, спасаясь от ночной прохлады. Черные смоляные волосы были подрезаны чуть выше бровей, закрывая локонами уши. Смуглое лицо выдавало в нем римлянина из старой семьи, в кровь которой еще не затесались пришлые варвары-германцы.

– Не бей, хозяин! – закрыл мальчишка голову руками. – Я верблюда видел и еще, как королеву старую казнили, видел. Мне же интересно было. Когда еще настоящую королеву голой покажут.

– Да чтоб тебя! Вот ведь непоседливый мальчишка! Без еды сегодня останешься, – гнев хозяина понемногу стихал, и он уже сердился больше для порядка. Ведь если дать слабину рабу, то потом жди беды. Особенно если раб – десятилетний малец из далеких земель вендов (2).

– За что, хозяин? – привычно заныл парнишка. – Я же только посмотрел. Ребята в Сансе (3) обзавидуются.

– А чтоб не баловал, – важно сказал купец, прекрасно зная, что беспутный мальчишка все равно сопрёт что-нибудь из еды, но он этого милостиво не заметит. – Одно разорение, одно разорение!

– Почему разорение, хозяин? – спросил Само, который уже понял, что пороть его сегодня не станут. – Ты же не потерял ничего.

– А сколько за войском шли? – возмущенно сказал купец. – А стражников нанять? А тебя, дармоеда, всю дорогу кормить? Это что, ничего не стоит, по-твоему?

– Ну, если меня как сегодня кормить, то не так уж дорого я и обхожусь, – резонно заявил мальчишка. – Ай! Больно же! – он все-таки поймал свой законный подзатыльник.

– Поговори мне еще! – погрозил кулаком купец.

– Ну да, – почесал неровно стриженую голову мальчишка. – Стало быть, они драться не стали, своих королей поубивали (4), а мы теперь убытки терпим. Вот, гады!

Почтенный купец Приск занимался старинным и уважаемым ремеслом. Он торговал живым товаром. Этим занимался его отец, его дед, и даже дед его деда. Там, где было горе, там всегда был он. Вольные когда-то люди, попавшие в жернова войны, продавались купцам за бесценок, а потом шли, разлученные с семьями, горбатиться на виллу какого-нибудь сенатора из старой римской семьи, а то и к кому-нибудь из новой знати. Короли франков лет тридцать назад позволили торговать землей и частенько наделяли ей своих лейдов. Рабы были нужны, и торговля ими не утихала никогда. Сорок лет междоусобиц, что терзали Галлию (5), превратили цветущую землю в бледное подобие самой себя. Целые области были разорены войной, а потому такие, как Приск, трудились, не покладая рук.

Австразия напала на Нейстрию – он тут как тут, скупает пленных ополченцев и продает их на юг. Нейстрия пошла войной на Бургундию – и он снова рядом, платя золотом за рыдающих девок из-под Орлеана. Лангобарды толпами гнали на север римлян из разоренной ими Италии, и почтенный Приск снова в деле. Только с вендами, да германцами из-за Рейна он связываться не любил. Уж больно капризный товар, все норовят убежать. Да и покорность вбивать в них нужно месяцами, иначе покупатель испугается, увидев дерзкий взгляд, и пройдет мимо. Впрочем, эти дикари стоили совсем уже дешево, но зато требовали неусыпного внимания умелых специалистов из его рабской казармы. Отсев был довольно большой. Лесные варвары норовили убежать, или кинуться на копья охраны, а потому до продажи не доживала примерно десятая часть, самые сильные и буйные. Впрочем, кочевники-авары, что гнали на продажу этих дикарей, знали свое дело туго, и вели по большей части баб и ребятишек лет до пятнадцати. Ну, и мужиков тоже гнали, из тех, кто казался покорным и не хотел разлучаться с семьей. Они до последнего надеялись на чудо. А мальчишка стянул краюху хлеба и, вычистив ей до блеска горшок с остатками каши, прикрылся затхлой ветошью в кибитке почтенного купца Приска, и задремал. Работы сегодня не будет. Сплошное разорение!

– И никакой я не Само, – обиженно пробормотал он, засыпая. – Я Самослав. Само меня мамка называла, когда я совсем малой был. А я уже большой. Вот!

– Да что за чертовщина мне опять снится! – Николай Семенович Мещеряков открыл глаза, и с натужным стоном сел в постели. – Это все морфин, врач ведь предупреждал.

Хриплое дыхание вырывалось из груди отставного подполковника. Еще недавно сильный и упрямый, как бык, мужчина, умирал на глазах. Рак легкого, чтоб его... Доктора сказали, что он может расти долго и не давать о себе знать. А когда почувешь неладное, то уже поздно. Как и все нормальные мужики, Николай Семенович лечиться не любил, а больниц и докторов избегал, как черт ладана. Даже проклятую флюорографию не делал годами, за что и поплатился. До последнего тягал гири, бегал и работал в саду. Шестьдесят пять лет всего, кмс по боксу и боевому самбо, какие его годы.

Жизнь закончилась, когда как-то утром он выплюнул стусток крови после начавшегося кашля. Как водится, подивился и забыл. А потом это повторилось еще раз, а потом еще. А потом это увидела жена... Он никогда не сможет забыть тот ужас, что плеснулся тогда в ее глазах. Она закрыла рот рукой и только и смогла прошептать:

– Коленька, родной! Да как же это! Господи, за что?

И она зарыдала. Людмила Ивановна отработала медсестрой больше двадцати лет, пока

в семье не появились первые большие деньги. Тогда-то она и уволилась с копеечной зарплаты и стала заниматься домом. Людмила слишком хорошо знала, что может означать кровь в мокроте.

– Пойдем в больницу! – с безумной надеждой смотрела она на него. – Это всего лишь туберкулез! Это лечится. Полежишь полгодика, и как новый будешь. Коленька, ну, пожалуйста!

Николай Семенович отмахнулся. Ну, подумаешь, кашель, с кем не бывает. Но жена была неумолима, как неумолим оказался диагноз. Рак легкого четвертой стадии, неоперабельный. В тот момент он словно почувствовал, как над ним захлопнулась крышка гроба. Про истинное положение дел ему так ничего и не сказали. Гнусная привычка онкологов вываливать горькую правду на родственников, бесила с одной стороны, и оставляла крошечную надежду с другой. У нас принято щадить больных, не то, что в голливудских фильмах, где врач, сверкая зубными протезами, сообщает:

– У вас неоперабельный рак. Вам осталось жить три месяца. Вот счет за консультацию. Спасибо, что обратились в нашу клинику.

А откуда эта холёная сволочь может знать, что именно три месяца, а не четыре? Он что, Господь Бог? Этого Николай Семенович никогда не мог понять. С другой стороны, все почестному, и человек может привести в порядок свои дела, переписать имущество на жену и детей, не позволяя родне передрасться у гроба. Хрен его знает, что лучше...

Отставной подполковник встал с кровати, не обращая внимания на тяжелый запах, пропитавший его комнату. Он угасал, и явно видел, как обвисают крепкие еще недавно мышцы, как худеет лицо и растут мешки под глазами. Анальгин и трамадол его давно не брали, и дикую боль, терзавшую измученное тело, заглушали только наркотики, которые почерневшая от горя жена каждую неделю получала в диспансере. Он понял, что это конец, и вот тогда-то его и начали посещать эти странные сны. Доктор предупреждал, что могут быть галлюцинации как побочный эффект. Да только на галлюцинации все это было совсем не похоже.

В этих снах он был мальчиком-рабом, росшим в Галлии, в самом начале седьмого века. По множеству событий и имен, водопадом проливших на него, Николай Семенович понял, что все это происходит в королевстве франков. Причем этих королевств почему-то было три, но страна вроде бы одна. Ничего не понятно! Слава Богу, он был еще в разуме, и интернетом пользоваться умел. А что еще делать, когда точно знаешь, что умрешь? Да все, что угодно, лишь бы забыть, что с тобой на самом деле происходит. Интернет подошел для этой цели как нельзя лучше.

Каждый раз снилось что-то новое, и на эффект морфина все это было совсем не похоже. О тех временах Николай Семенович не знал почти ничего. Он что-то такое слышал про войну Брунгильды и Фредегонды, как и многие, но не вникал глубоко. Такая седая древность его никогда не интересовала. То ли дело, Великая Отечественная. Там, и почитать есть о чем. К примеру, как бравый попаданец двадцать первого июня на прием к товарищу Сталину попадает. Чушь, конечно, но ведь до чего забавно. Грешен Николай Семенович, любил полистать всякий разноцветный шлак, что продают теперь в книжных магазинах.

Отставной подполковник загрузил поисковик и вколотил непослушным пальцем: Брунгильда, казнь, Хлотарь. Он надел на нос очки и погрузился в чтение.

– Австразия? Какая еще Австразия? Австралия, наверное! А, нет, все верно. Австралию тогда еще не открыли. Ну и назвали страну, запутаешься! – он бурчал дальше, продираясь

через зубодробительные имена, запутанные родственные связи и многочисленные, крайне затайливые убийства в королевском семействе. Ему показалось, что там своей смертью вообще никто не умер. Впрочем, ему это только показалось, было и такое, нечасто, правда. Минут тридцать Николай Семенович бездумно прыгал со странички на страничку, а потом не выдержал:

– Вот ведь зверье! И как земля носила такую нелюдь! Вроде христианские короли были, а хуже фашистов. И с чего мне эта страсть сниться стала? Не могу понять. Ну, точно, от морфина это.

Он снова прилег, незапланированная активность лишила его последних сил. Неужели, незаметно прошла целая жизнь? Ведь словно вчера был Афган, где он три года бегал по горам за душманами, командуя разведгруппой. Там-то он и познакомился с будущей женой, когда после ранения загремел в госпиталь. Там они и поженились. Потом он перевелся в Западную группу войск. А вскоре, как это иногда случается, его вызвал к себе в кабинет особист. Он был не один. В кабинете сидели два человека с неприметными лицами, которые были одеты в одинаковые серые костюмы. Они то и сделали предложение, от которого молодой капитан не смог отказаться. У него и шанса на это не было. Новой службе он отдал еще десять лет. А потом страна покатила под откос, и как оказалось, Николай Семенович все эти годы боролся совсем не за то. Новые времена наступили. Душно стало в той структуре. Душно, липко и гадко. И тогда он написал рапорт...

Что только не делал свежее испеченный отставник все эти годы! Он торговал медом с пасеки деда, помогая старику с пчелами, он подсобничал на стройке, он научился класть печи и ставить крыши. А потом судьба свела его со старыми школьными друзьями, которые строили дома из бруса. Так Николай Семенович через пару лет стал владельцем маленькой фирмочки, специализирующейся на деревянном домостроении. За пятнадцать лет фирмочка выросла в немаленькую строительную компанию. Брус – штука капризная, и дома из него – сильно на любителя. Но Николай Семенович дерево любил, и умел находить людей, что были похожи на него в симпатиях к этому непростому материалу. Да, в таком доме холодновато, нужно ждать усадку, конопатить и подкручивать компенсаторы. Могло и окно перекосить, все бывало. Но ведь живое дерево – есть живое дерево, любителей его полно, а потому работы ему хватало. Олигархом Николай Семенович так и не стал, но денег ему хватало на все. Он вцеплялся зубами в каждую возможность, что давала ему судьба. Он не ныл, когда она сбивала его с ног. Он просто вставал и шел дальше. Его кусали, вырывая куски мяса, а он кусал в ответ. А как еще можно делать бизнес в нашей стране?

Жизнь удалась. Дом он себе построил, квартиры сыну и дочери купил, мир повидал. Всю Европу исколесил, на теплые моря отдыхать ездил. Даже как-то раз в круиз вокруг света сходил. Не понравилось, сухопутный он человек. Денег у него предостаточно, да только не нужны они ему теперь. В гробу карманов нет. Ну вот, опять про гроб вспомнил, расстроено прикусил губу Николай Семенович. О чем бы ни думал, все к одному идет! К старухе с косой! Что же, он прожил достойно, и умрет достойно. Бизнес он продал, а на эти деньги прикупил коммерческую недвижимость с долгосрочными договорами аренды. Жене с лихвой хватит и останется еще. Дом тоже на нее переписал. Голым мы приходим в этот мир, и голыми же уходим.

И Николай Семенович смежил глаза, чувствуя, как снова подступает боль. Он оттягивал очередной укол, сколько мог, но долго ему так не выдержать. Придется снова звать жену со шприцем, не то зайдет сама, когда услышит его невольный стон. Ни к чему это...

1 – Лейды – буквально, «королевские люди». Дружинники, ставшие потом земельной аристократией. Аналог бояр на Руси.

2 Венды – так германцы называли западных славян.

3 Санс – город на севере Бургундии

4 Речь идет об убийстве малолетнего короля Сигиберта II, короля Бургундии и Австразии, и его младшего брата 10 октября 613 года н. э. Король был предан своей знатью, переметнувшейся к Хлотарю II, его двоюродному дяде, королю Нейстрии.

5 Речь идет о сорокалетней междоусобице, которая в исторической литературе называется войной Брунгильды и Фредегонды. Прочитать об этом можно в цикле «Война двух королев».

В родительском доме пахло душистой травой и медвежьей шкурой. Самослав очень хорошо запомнил этот запах, ведь он снился ему почти каждую ночь. А еще снилась мамка, рядом с которой ему было так хорошо и спокойно. Теплый бок матери, к которому Самослав прижимался во сне, дарил глубокий и счастливый сон, о котором теперь он мог только мечтать. Десятилетний мальчишка не видел больше ласки ни от кого. С того самого дня...

Деревушка мелкого рода из племени хорутан была похожа на тысячи таких же, разбросанных от Альп до самого Янтарного берега, что был далеко на севере. Заглубленный в землю домишко с двухскатной кровлей, крытой тёсаными жердями, берестой и дерниной, вмещал всю их семью – отца, мать и троих сыновей мал мала меньше. Пол из утопанной до каменной твердости земли мамка засыпала свежей травой, которая и давала тот духмяный запах, что снился потом Самославу. В сильные дожди вода все-таки затекала в хижину, но поднятая на чурбаках лежанка, покрытая вытертой медвежьей шкурой, делала эту напасть не слишком уж страшной. Вода уйдет, а потом мамка набросает на пол травы или сухого камыша, что снова подарят ногам приятную щекотку.

Очаг из камней, сложенных на глине, приятно потрескивал сухим валежником, который был набросан рядом. Дым от него поднимался кверху, прямо к еловому бревну, на котором держалась немудреная крыша, облизывал его и лениво уходил в волоковое оконце под стрехой. Потому и бревно это, и тёс крыши были покрыты слоем сажи, которую мамка каждую весну вычищала пучком травы, поминая при этом леших и прочую нечисть. А еще она меняла подстилку на полу, наполняя дом свежестью и чистотой. Самослав так любил этот запах. Они жили у реки, как и все нормальные люди. Ведь только звери живут в лесу. Вода – это рыба, это ил, который батя тащил ведрами на огород, это камыш, корневище которого они ели в конце весны. Без реки никак нельзя! Вот и в тот самый день они с батей пошли проверять верши, что тот плел из гибких зеленых веток.

– Смотри, Самослав! – батя вытащил из верши неплохого судака, который заплыл туда, думая поживиться плотвой. Плотва – рыба мелкая, костистая, лишь в уху и годится. То ли дело стерлядь, пугавшая мальчишек длинным чудным носом с усиками. Крупную рыбу потрошили, промывали, чуть подсаливали и вешали под стреху, где она и доходила, пропитываясь дымком. Соль была дорога, ее мамка в лыковом туеске хранила, и попусту не тратила. Не для баловства она, без нее на зиму рыбу не сохранить. Самослав помнил и ее запах, душный, и даже немного противный, отдающий тухлятиной. Но мамка с отцом рыбу ели и нахваливали, а потому и дети ее ели, не кобенясь. Весной вспоминать еще будут, как сытно летом бывало. Тяжко иногда жилось весной, голодно очень. Только если заяц какой в силос попадет, тогда дома целый пир был! Дичь в тех местах уже повыбили, а потому мясо в деревушке видели нечасто, и каждый раз это был праздник. Они все больше ели просо и жито, разваренное в кашу, жареные желуди, птичьи яйца и репу. Летом ходили по ягоды в малинник, продираясь через густые заросли. По осени – шли за грибами, которые после теплого дождя пугливо выглядывали из-под каждого листа. Грибы сушили, развешивая над очагом. Суп из сушеных лисичек получается такой, что ложку проглотишь! А когда мамка растирала камнями жито, желуди и лесной орех, мальчишки замирали и смотрели на это действие, не смея шелохнуться, и глотая набегающую слюну. Ведь потом она месила тесто из получившейся муки, и жарила в золе очага вкуснейшие лепешки. Самослав помнил и этот

запах. Странно, он уже не помнил лиц родителей, но запахи своего детства он помнил так, словно это было вчера. А ведь с тех пор прошло уже целых пять лет!

Они проснулись до рассвета от криков тетки Горицы, что жила в полусотне шагов. Батя вскочил рывком, и одним движением оказался у двери. Отцово лицо приняло сосредоточенное выражение, и впервые в жизни Самослав увидел страх в его глазах.

– Обры (1), – коротко обронил он. – В лес, живо!

Мамка схватила сыновей в охапку и сунулась в дверь, где стоял батя, сжимающий в руке копьё и два дротика, которые метал без промаха на тридцать шагов.

– А ты? – с тревогой в голосе спросила мамка. Она сорвалась, и ее голос дрогнул. Батя выглянул из приямка входа.

– Я их уведу. Пошла! Сейчас!

Мамка бросилась в лес, таща за руки младших мальчишек, а Самослав замер, замороженный невиданным доселе зрелищем. Десятка три конников на низкорослых лошадках взяли деревушку в кольцо. Только их дом, почти прижавшийся к лесу, в эту петлю не попал, он стоял чуть на отшибе. Всадники, что казалось, слились со своими конями, крутили над головой волосяные петли и ловили ими мечущихся людей, опрокидывая их наземь рывком аркана. Батя побежал в сторону, отвлекая на себя внимание конника, который бросился за его семьей. Дротик, что он метнул в степняка, пробил тому грудь костяным наконечником, и обрин упал на круп лошади, разметав руки. В сторону бати развернулись сразу три всадника, переругиваясь гортанными голосами. Отец метнул еще один дротик, и ранил коня, который жалобно заржал, словно от обиды. Уж он-то не был виноват ни в чем. Больше батя ничего сделать не успел, как не успел пустить в ход копьё, которое сильно отставало от изделий ромеев и франков. Он лихо управлялся и таким убогим оружием, но никто ему шанса не дал. Гибким кошачьим движением всадник в войлочной шапке натянул лук, и отец упал, поймав грудью широкий, словно лист, наконечник стрелы.

– Батя! – закричал Самослав, напрочь забыв, что должен бежать, что у мамки всего две руки, и что он должен быть уже далеко отсюда, как его учили много раз. Обры не любят лес, а потому именно там и надо прятаться от них. Это вбивалось в мальчишек намертво. Но как только отряд людоловов пришел, Самослав забыл разом всю науку, и вспомнил о ней, лишь когда его схватил пахнувший острым конским потом степняк, и бросил поперек седла.

– Батя! Мама! – плакал Самослав, но было уже поздно. Их деревню уже жгли, а выживших жителей вязали, согнав в кучу. Невдалеке истошно орала молодуха Деяна, на которой лежал один из обров и смешно дрыгал голым задом. Батя тоже так делал, Самослав это видел много раз, но мамка так не орала, просто дышала как-то глубоко и часто, а потом пекла лепешки в золе. У нее тогда хорошее настроение бывало.

Пяток стариков отвели в стороны, а к ним подошел главный, в нарядном плаще с оторочкой, в богатом поясе с серебряными бляхами, и в короткой кольчуге. Он осмотрел этих еще крепких людей, немного подумал и покачал головой. Не годятся, не вынесут долгого пути. Да и не стоят они почти ничего, только еду на них переводить. Двое воинов, что шли с ним рядом, понятиливо кивнули головами и деловито тех стариков зарезали. Самославу стало так страшно, что он разревелся. Впрочем, тут ревели почти все, и дети, и бабы. Сбежали немногие. Тех, кто попробовал сопротивляться, убили на месте, а три десятка оставшихся жителей согнали в кучу, где начали вязать за шеи к длинным жердинам. Из крепких мужиков в плен не попал ни один, почти все они лежали на земле, сжимая в руках немудреную воинскую снасть. Из налетчиков погиб лишь тот, кого убил отец, и этим

Самослав гордится до сих пор. Уж слишком страшны обры, слишком умелы в бою. А те словене, что восточнее живут, у тех обров в тяжком рабстве находятся. Так батя рассказывал долгими вечерами, когда они у очага сидели, глядя на пляшущие языки пламени. А еще батя рассказывал, как по зову великого кагана в поход на лангобардов и баварцев ходил. И вроде победили, да только немногие тогда домой вернулись. Авары словен впереди себя пускали, и множество мужей словенских сгинуло в той битве без следа (2). А вот батя уцелел, и даже из того похода отличный железный топор принес, да узорочье кое-какое, что мамке потом преподнес как свадебный дар.

Воины обошли деревушку и вернулись к лагерю, таща немудреный скарб и припасы. Они обошли убитых, по-хозяйски вырезая стрелы из тел, и добывая раненых. Степняки оживленно переговаривались, хвастаясь добычей. В руках у них были шкурки белки и куницы, которые ходили повсеместно вместо денег. В деревне нашлось два железных топора, и воины довольно скалились, не ожидая такой удачи. Грубое ноздреватое железо из болотной руды было куда хуже, чем у тех же франков, но в нищем селении любой металл был немалой ценностью. У дядьки Вуйка был настоящий меч, который он взял в давнем походе, и теперь тот, кто убил его, довольно шурил щелочки глаз. Тут ведь не земли Империи, где в каждом доме есть смена одежды, посуда и металлические инструменты. Это же словенская деревня на берегах мелкого притока великой реки Дунай, и тут такой роскоши отродясь не бывало. Сюда приходили за рабами, которых гнали в земли баваров, а то и в саму Австразию, в далекий Кёльн. Больше тут ничего ценного и не было, даже едой словен всадники брезговали. Один из воинов осторожно нес в руке рыбину, снятую с крюка. Он подозрительно осмотрел ее, понюхал, а потом, презрительно скривившись, отбросил в сторону. Она основательно пованивала, и степняка, привыкшего к свежему мясу, привлечь не смогла.

Старший из авар прокричал что-то непонятное. Впрочем, это не могло быть ничем иным, кроме команды встать и идти, благо солнце поднялось уже высоко. Люди, подгоняемые тупыми концами копий, понуро побрели на восток. Туда, откуда и приходили в эти земли страшные всадники авары. Детишек не вязали, их заставили идти рядом с бабами. Да и куда денется пятилетний мальчишка, если отойдет от родной деревни на пару-тройку верст? Бежать в лес к волкам? Смешно! И Самослав, не видя ничего перед собой, тупо переставлял ноги, пока силы не оставили его. И тогда всадник поднял его, словно цыпленка, и посадил впереди себя на коня. Это был первый раз, когда Само ехал верхом, ведь у них в деревне лошадей не было. Несколько раз батя приносил с охоты мясо тарпана, что табунами бегал в лесах, но дичь уходила все дальше, она не терпела соседства с человеком. Кроме волков, пожалуй, чей вой пугал мальчика стылými зимними вечерами. Батя учил, что человеку в лесу нет спасения от волчьей стаи. Даже если забраться на дерево, волки будут ждать, пока двуногая дичь не слезет сама или не упадет во сне. И тогда последним, что увидит незадачливый охотник, будет серая молния, вцепившаяся зубами ему в горло. Так учил его батя, а теперь он убит. Само смахнул непрошеную слезу. Неужели он теперь совсем один на всем белом свете?

Самослав не знал, что прямо сейчас мамка, глотая бессильные слезы, наблюдала из кустов за тем, как его уводят. Несмышленные братья задумали было дать рёву, но мамка крепко заткнула им рты, и замерла в кустах, недвижимая. Она сделала свой выбор, она не станет рисковать.

Николай Семенович жадно читал страницу за страницей, ведь то, что ему снилось, не могло быть горячечным бредом умирающего. Он никогда не слышал ни про великих каганов, ни про их войны с какими-то лангобардами, а значит, и присниться ему такое просто не могло. Он ломал голову над природой своих сновидений, но поделиться этим не мог ни с кем. Он как-то попробовал пересказать свои сны жене, но она смотрела на него безучастно, будучи мыслями очень далеко. Ей было не до авар и славянского мальчишки. У нее умирал муж.

Николай Семенович бросил это бессмысленное дело, и каждый новый сон встречал, словно вызов. Он гнал от себя гнетущие мысли, погружаясь с головой в свежую информацию, что отвлекала его от опостылевшего телевизора. Он цеплялся за новую жизнь, что дарили ему эти сновидения, она манила его к себе. И он читал запоем, проглатывая страницу за страницей, дивясь чудным именам и обычаям. А вот мнение современников о далеких предках его покорило. Он представлял себе славян былинными богатырями, сошедшими с картин Васнецова. А тут император Маврикий, один из лучших военачальников своего времени, знавший этот народ не понаслышке, пишет в своем труде «Стратегикон»:

«Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много разнообразных способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне реки, дышат с помощью их: и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их присутствии. А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их за растущие в воде, лица же, знакомые с этой уловкой и распознающие камыш по его обрезу и занимаемому им положению, пронзают камышами глотки лежащих или вырывают камыши и тем самым заставляют лежащих вынырнуть из воды, так как они уже не в состоянии дольше оставаться в воде.

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые с места на место. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если раненый не примет раньше противоядия или (не воспользуется) другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела.

Не имея над собою главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, неспособны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша померяться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются к ним,

так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают как бы под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами, с целью заманить противника.»

– Мда, – озадаченно произнес Николай Семенович, которому до этого при слове «славяне» ничего не приходило в голову кроме картины «Три богатыря». – Я все это как-то не так себе представлял. Устал я что-то. Прилягу, пожалуй.

Он задремал, не зная, что больше ему не суждено будет открыть глаза. Через пару часов фельдшер скорой помощи смотрел на него усталым равнодушным взглядом и терпеливо говорил рыдающей жене:

– Ну, что вы от нас хотите, женщина?

– Сделайте что-нибудь! Он же задыхается, – плакала Людмила Ивановна.

– Он умирает, – жестко сказал фельдшер. – И вы это знаете. По закону я обязан провести реанимационные мероприятия, и я их сейчас проведу. Он что получает и в какой дозе?

– Морфин, – понуро ответила Людмила Ивановна. – До шести ампул в день.

– Без вариантов, – махнул рукой фельдшер. – От такой дозы даже здоровый человек помрет. Отойдите, женщина, вы будете только мешать.

Николай Семенович смотрел на этот разговор как будто сверху. Его собственное тело вызывало у него сейчас лишь гадливое недоумение. Он помнил себя совсем другим, не дряхлой развалиной с заострившимся лицом, а бодрым и полным сил мужиком, которому и шестьдесят давали с трудом. Все! Он начал стремительно удаляться от своего тела, от рыдающей жены и от фельдшера, который имитировал спасение его жизни. Все это скоро превратилось в точку и исчезло, а Николай Семенович летел по какому-то бесконечному туннелю, в конце которого быстро росло пятно света. Внезапно сознание его словно дернуло в сторону, и пятно стало удаляться с немыслимой скоростью. Вскоре он летел в полной темноте, и это казалось бесконечным. Вспышка света!

– Где это я?

1- Обры – авары

2 Это способ построения называли befulci – «дважды укрепленные». Авары ставили славянскую пехоту впереди себя, используя ее как «пушечное мясо». Добычу эта пехота получала последней.

– Где это я? – растерянно подумал Николай Семенович. – Я уже умер? Это со всеми так после смерти происходит? Или меня этот коновал так сильно током шарихнул, пытаюсь запустить остановившееся сердце?

Вопросы полились рекой, и самым главным из них стал этот: А кто я такой, вообще?

Худые жилистые руки с пальцами, украшенными обкусанными грязными ногтями, никак не могли принадлежать ему. Николай Семенович ощупал себя, и пришел к неожиданному выводу. Он – молодой мужчина. В последнем он с чувством глубокого удовлетворения убедился, когда развязал веревку на немудреных портах и осмотрел свое хозяйство. Оно было в полном порядке, и, судя по горделивому положению этого самого хозяйства, сейчас было раннее утро. На вопрос «кто я?», ответ был получен быстро. Он был молодым парнем неизвестной наружности по имени Самослав. А еще он был человеком по имени Николай Семенович Мещеряков, который смотрел на происходящее, словно со стороны. По крайней мере, он совершенно точно знал, что если Самослав прямо сейчас не принесет воды и не разожжет костер, то хозяин немилосердно отдубасит его своей палкой.

– Само, паршивец! – услышал он рассерженный крик. – Вот я тебе задам!

– Уже бегу, хозяин! – Николай Семенович с любопытством слушал, как из его рта льется незнакомая речь, и как непривычно легкое упругое тело выскакивает из какой-то крытой телеги, хватая деревянное ведро и несется к реке, что была совсем рядом с их стоянкой.

Парень оказался простым до крайности, и Николай, чувствуя его мысли и желания, был безмерно удивлен. С одной стороны, мальчишка был неглуп, бойко лопотал на шести языках и знал счет в объеме первого класса. С другой, его желания были крайне незатейливы и крутились лишь вокруг еды и безделья. Собственно, есть он хотел всегда, даже, когда спал. Казалось, он вообще никогда не ел досыта. А потому, слегка заморив червячка, он искал возможность подремать так, чтобы не попасть под бдительное хозяйское око. Пока тело само, без участия разума тащило воду и разводило костер, чиркая ножом по кремню, Николай Семенович развил умственную активность, несвойственную ранее этому организму. Несомненно, это был то самый мальчишка, который ему снился, только сейчас он был существенно старше, лет шестнадцати. По крайней мере, такое мнение у него сложилось, когда он попытался увидеть свое отражение в ведре с водой. Это что же, он теперь попаданец, что ли? Так все нормальные попаданцы в сорок первый год проваливаются, а его в самые, что ни на есть, Темные века занесло. Никаких склонностей к волшебству он у себя не обнаружил, как не нашел рядом заботливого волшебника, который его всему этому волшебству научит. А вот воспоминания, что робко продирались из памяти мальчишки, не обрадовали абсолютно. Жилось ему тут откровенно хреново.

– Ленивый венд, – ворчал хозяин, доставая из кибитки мешочек с крупой. Еду рабам он не доверял. Съедят вмиг. Ведь жизнь приучает раба к тому, что думать о завтрашнем дне не нужно, об этом подумает хозяин. Дело раба – повиноваться. И эту нехитрую мысль Николай Семенович ощутил моментально, ведь она была основой жизни человека, в чье тело его занесла прихотливая воля судьбы. Он был рабом с малых лет, и хозяин стал ему если не отцом, то одним из самых близких людей на свете, за исключением стряпухи Венеранды, пожалуй. Та с самого начала была к Само чуть менее зла, чем все остальные люди вокруг.

По крайней мере, когда она орала на него или колотила за украденную лепешку, то делала это без особой злобы. По-отечески скорее, для порядка.

Самослав сидел рядом с костром, и жадно смотрел на булькающий котелок, а Николай Семенович чувствовал, как личность мальчишки растворяется в нем без остатка, а он растворяется в ней. И теперь он и есть Самослав, и это он безумно проголодался. И пресная каша из разваренной крупы кажется ему пределом мечтаний. Главное, чтобы этой самой каши было побольше. Для него сейчас степень счастья измерялась количеством еды, что останется в котелке после хозяина. В то же время, он легко вспоминал подробности своей прошлой жизни, прожитой в двадцать первом веке. Этот парадокс погрузил Самослава в раздумья, и он пропустил окрик хозяина, который удивленно спросил:

– Ты не просишь есть. Ты где-то украл еду?

– Нет, хозяин, – бойко ответил Самослав. – Я вспоминал, какой сейчас год.

– Что? – Приск от неожиданности даже уронил на землю ложку, которую держал в руках. – Тебе это зачем?

– Так интересно же, – бесхитростно ответил Самослав, глядя на остатки каши с вожделием. По глазам торговца он уже догадался, что тот сыт, и мигом доел то, что Приск оставил ему. Мало! Растущему организму требовалось мясо, но таковое он видел последний раз полгода назад, когда обглодал говяжий мосол после гостей хозяина.

– Год тридцать пятый царствования короля Хлотаря, – растерянно ответил Приск. К сожалению, эта информация мало, что дала Самославу. Биографию местного правителя он помнил очень смутно. В памяти отложилось только то, что он начал править еще младенцем, когда убили его отца, короля Хильперика. – Шестой год, как он единственный король, благослови его святой Мартин.

– Значит, сейчас шестьсот девятнадцатый год, – задумался Само. Казнь Брунгильды крепко врезалась ему в память, и он запомнил этот день намертво. – А какие такие значительные события у нас в это время происходили? Да ни малейшего представления не имею!

– Что с тобой сегодня? – с беспокойством спросил его Приск. – Ты не заболел часом? Не вздумай сдохнуть, мы же едем в Ратисбону (1), где я еще возьму надежного переводчика с языка вендов!

– Нет-нет, хозяин, я в порядке, – спешно ответил Самослав. Нарываться на хозяйский подзатыльник или пинок ему не хотелось, а другого способа лечить своих рабов почтенный купец не признавал. Они ехали с купеческим обозом из бургундского Санса в далекую Баварию. Там Приск хотел прикупить партию славян, которых германцы должны были пригнать из весеннего похода. Не то, чтобы там нельзя было найти переводчика, скорее наоборот. Язык вендов там знал каждый второй. Приск не хотел платить этим людям, и он боялся, что его там попросту обманут.

– Одно разорение! – привычно запричитал Приск. – Ленивый прожорливый мальчишка, который, не приведи святой Мартин, помрет. Только сожрет до этого, как три монаха вместе взятых. А мне потом переводчика нанимать. Сплошные убытки!

– Я если и помру, то с голоду, – буркнул Самослав, думая, что хозяин не слышит. Он думал так напрасно, и все-таки заработал крепкую затрещину, на которые Приск никогда не скупился.

Почтенный купец считал себя слишком добрым хозяином и гордился тем, что почти никогда не пытал своих рабов и очень редко их убивал. Разве что только кого-нибудь

из новичков-дикарей, которых привели из-за Рейна. Хотя, так он поступал скорее из-за жадности, а не из-за милосердия. Его величество Хлотарь II, казнив свою тетку Брунгильду, остановил бесконечную междоусобицу, и страна стала хорошесть, на глазах затягивая раны войны. Входили в силу новые сады и виноградные лозы, отстраивались сожженные деревни, а пустующие земли заселяли подросшие сыновья убитых отцов. Люди трех королевств благословляли своего государя, который подарил мир всей Франкии, хоть и развалилась она на Нейстрию, Бургундию и Австразию. Его величество перебил всех своих родственников, к вящей радости подданных, и тремя королевствами правил теперь единолично, имея в каждом из них своего майордома и штат чиновников. Так он договорился со знатью, которая устала от самовластья старой королевы Брунгильды. В стране был мир, она цвела и богатела, и только почтенный купец Приск нес убытки. Вместо покорных римских крестьян ему приходилось торговать вендами и германцами, а он ужасно этого не любил, с тоской вспоминая благословенные времена усобиц. Впрочем, сервы (2) из римлян на продажу тоже попадались, но заработок с этого был ничтожный, несравнимый с тем, что мог быть после войн прошлых лет. Тогда целые области пустели, а Приск с покойным отцом скупали у воинов крепких работников в треть цены и гнали на юг, в Прованс, где каждые десять лет вспыхивала эпидемия бубонной чумы, уносящая в могилу тысячи жизней. Рабочие руки там были нужны всегда. А потому почтенный купец считал свое ремесло наиважнейшим на свете и наиболее полезным для своей страны. Ведь если бы не он, кто бы обрабатывал поля прекрасной Галлии? А теперь на него свалилась еще одна напасть. Неспешную поступь наступающего нового мира он чувствовал на своем кошельке. С каждым годом все больше крестьян разорялись и попадали в зависимость от знати, которой уже не требовались после этого рабы. Потому и приходилось купцу Приску ввязываться в сомнительные авантюры, подобные сегодняшней. Купить партию вендов, пригнать их в Марсель, и там продать имперским купцам, заработав вдвое от вложенных денег. Правда, из этой суммы придется вычесть расходы на охрану, поборы по дороге, еду для живого товара и стоимость умерших в пути. Остается совсем мало, святой Мартин тому свидетель. Да и иудейские купцы, которых было особенно много в портовых городах, давят не на шутку, ведь у них родня по всему Средиземноморью. Почтенный Приск не знал, что как только арабы перекроют морские пути, эти его конкуренты монополизировали работоторговлю полностью, от устья Волги до Испании, и его семья лишится привычного источника дохода. Но и сейчас дела у Приска шли не лучшим образом, и приходилось рисковать, чтобы заработать на достойное приданое четырем дочерям.

Караван суетливо собирался в путь, и Само запряг в повозку мулов, флегматично жевавших сочную майскую траву. Мулы были упрямы до крайности, но беспредельно выносливы и неприхотливы. Они безропотно шагали день за днем, таща двух человек и их поклажу. Впрочем, иногда хозяин и сам садился на козлы, и правил повозкой, и тогда Самослав шел рядом, ведь безделье пагубно для раба. Путь от Санса до восточной границы баварских земель занимал месяц, и это если дождями не размочит дороги, если не нападут полудикие алеманы или не начнет шалить какой-нибудь местный граф, пользуясь тем, что в этой глуши никто никого искать не станет. Герцоги Баварии были почти независимы, и происходили из рода Агилольфингов, наследуя власть, словно короли. А потому в их землях тоже нужно было держать ухо остро, и опасаться засады. Впрочем, Приск, при всей своей жадности, еще не потерял разума. Он купил место в большом торговом караване, с которым шел крепкий отряд безземельных франков. С этим же караваном он рассчитывал вернуться

назад, потратив на все месяца три, не больше.

– Поехали же, – занервничал хозяин. – Не вздумай оказаться в самом конце, можем отбиться. Тогда нам конец!

– Да, хозяин, – торопливо ответил ему Само, ткнув мула острой палкой. Ему тоже не улыбалось потеряться где-нибудь на лесной дороге.

Само глазел по сторонам так, словно видел все это впервые, хотя на самом деле так оно и было. Частично. А ведь мальчишка был в Баварии четыре раза, и ничего нового вокруг не происходило. Караван шел по землям Бургундии, страны, наименее пострадавшей в мясорубке последних сорока лет. Тут уже всюю молились распятому богу, но по весне статую старой богини Кибелы все еще носят с песнями по полям. В таком деле, как борьба за урожай нет места легкомыслию. Один бог – хорошо, а несколько – лучше. Кто-нибудь, да поможет. Караван миновал богатую виллу, где голые по пояс сервы в коротких штанах-брэ провожали караван любопытным взглядом и снова возвращались к работе. Они не боялись толпы людей. Если бы это было где-нибудь в Шампани, то, едва завидев столб пыли на горизонте, они попрятались бы в кустах и не вышли оттуда, пока караван не пройдет мимо. А ведь сейчас было на редкость спокойное время, и страна наслаждалась мирной жизнью. Но слишком уж глубоко впитался страх в души людей. То победоносный король Сигиберт I приводил из-за Рейна толпы германцев-язычников, которые опустошали все земли, по которым шли. То король Хильперик мстил своему брату, и наносил ответный визит со своими франками. Обоих зарезали наемные убийцы, а дальше уже воевали их жены, дети, внуки и правнуки. Короли резали друг друга без всякой жалости, словно и не кровной родней были, а злейшими врагами. Хотя, положа руку на сердце, так оно и было. Истинными зверями в людском облики были длинноволосые короли. Так все и шло, пока знатные люди не решили предать своего государя Сигиберта II и не вручили власть сыну Хильперика и Фредегонды, его величеству Хлотарю II, благослови его святой Мартин.

Николай Семенович, привыкший к бескрайним просторам Родины, к виноградникам юга, уходящим вдаль ровными рядами, смотрел на окружающие его поля и сады с легкой усмешкой. Все было как-то... убого, что ли... А ведь это плодороднейшая Франция, земли которой не шли ни в какое сравнение с полем отца Самослава, что было разбито на месте сожженного леса. Дальше пошли деревеньки вольных крестьян, которые были одеты в грубые рубахи помимо коротких штанов. Разбросанные в беспорядке домики под соломенными крышами не слишком отличались по размеру от тех, в котором жил в детстве Самослав. Там, где жили франки, хозяйства были побогаче, и дома были окружены службами. Тут были и загоны для волов, и амбары для зерна, и навесы, где это зерно сушилось. Такие хутора тоже не были редкостью, и бабы там ходили сытые и важные, цепляя жадный глаз Само развесистой тяжестью грудей. А чего такой бабе не важничать, ежели тот, кто свободную женщину просто за руку схватит, пятнадцать солидов по суду заплатить должен будет. А это пять коров добрых, целое богатство для простого человека. А ежели раб на свободную женщину покусится, то убьют его, как последнюю собаку.

– Хозяин, хозяин! – почтительно спросил Само у купца, дремавшего на козлах под неспешную поступь мулов.

– Чего тебе? – недовольно спросил тот, но недовольство было напускным. Приску было безумно скучно в дороге, где миля шла за милей, а по сторонам чередовался лес и зеленеющие поля.

– Хозяин, а почему все рабы от хозяев не убегут? Ведь на воле куда лучше, – спросил

Само, оставив на купца чистый и наивный взгляд. А увидев, как разгорается гнев купца, добавил: – Не у всех же такой добрый хозяин, как у меня.

Гнев купца погас. Он не мог долго сердиться на этого мальчишку, уж слишком незлобив и безобиден тот был. Да и языки схватывал на лету, освоив помимо «мужицкой» (3) латыни языки франков и других германцев, говоры которых отличались довольно сильно. А при торговле вендами мальчишка был и вовсе незаменим, втираясь в доверие к своим землякам. Он мог утешить молодуху, потерявшую мужа, и та покорно шла дальше, веря улыбчивому пареньку, который обещал, что впереди ее ждет просто райская жизнь. Он мог взять за руку мальчишку, потерявшего родителей, и плести ему какую-нибудь чепуху, отвлекая того от горестных мыслей. Приск очень дорожил своим рабом, и частенько спускал ему мелкие прегрешения.

– Да некуда им бежать, – удивился купец. – Ну, вот представь, куда баба из вендов побежит, к примеру, из Бордо? Тут же у любого встречного вопрос возникнет, а чего это одинокая женщина, которая правильную речь не знает, одна по дорогам шатается. Ее же каждый свободный человек схватить должен и к графу отвести. А тот накажет и передаст хозяину. За укрывательство чужого раба такой штраф полагается, что дешевле трех новых сервов купить. А по лесам долго не побегаешь, есть же надо что-то.

– Да-а, – задумался Само, который решил такого рода вопросами восполнить пробелы в знании местной жизни. В памяти мальчишки-раба информации было совсем немного, потому что круг его интересов был предельно узок. – И, правда, – протянул парнишка. Надежда на побег стала призрачной. При всей простоте местной жизни каждый чужак был как на ладони, и добраться домой через густонаселенную страну беглому рабу было практически невозможно. Вот он и получил ответ на самый важный для него вопрос.

– А тебе это зачем? – подозрительно спросил Приск. – Не то бежать задумал? Я вот тебе задам сейчас, паршивец! Ты сегодня странный какой-то.

– Нет-нет, хозяин, что ты! – замахал Само руками. – Я у тебя как сыр в масле катаюсь. Я вспоминаю последнюю партию вендов, что на добычу камня для нового монастыря продали. Кому охота целый день киркой и молотом махать?

– Да, этих язычников, почитай, на верную смерть отправили, – нехотя признал Приск. – Если пять лет там протянут, то это чудо будет. Значит, так им милостивый господь отмерил. Значит, грешили много в этой жизни. Те, кто на императорских дромонах (4) весла тягают, еще меньше живут. Да ты и сам знаешь, вендов почти всех туда и продаем. В поле они работать не хотят, все норовят сбежать.

– Я пойду посмотрю, что там впереди, – нетерпеливо сказал Само, а хозяин милостиво кивнул, снова погружаясь в дрему. Бежать тут все равно было некуда, да и незачем. Мальчишка прав. Такого доброго хозяина, как он еще поискать.

А Самослав легкой рысцой потрусил в голову каравана, жадно осматривая свежим взглядом то, что видел не один десяток раз. Ведь он вырос в дороге, служа хозяину для всяких надобностей. Он знал, что впереди, в миле от каравана, десяток всадников осматривал дорогу, чтобы убедиться в отсутствии засады. Такой же отряд скакал сзади. Наемники франки шли в центре, удивляя окружающих необычным видом. Суровые парни с чисто выбритыми затылками и собранными в хвост на макушке рыжеватыми волосами выделялись в любой толпе. Само знал, что для них показать голый затылок врагу считалось страшным позором. Воины носили зеленые плащи с красной оторочкой, рубахи, обшитые разноцветной тесьмой, штаны и кожаные чулки, которые крепились к ноге перекрещенными

лентами. На спине франки тащили круглые щиты и дротики-ангоны, которые метали мастерски. У многих на поясе был меч и легкий топор-франциска. Умелые ребята, отметил мальчишка опытным взглядом, вся снасть подогнана так, словно это вторая кожа. Войной на жизнь зарабатывают. А поскольку войны поутихли, перебиваются охраной караванов. Им бы на землю осесть, да видно, не по ним крестьянская жизнь. Им мечом махать привычнее, чем коров пасти и зерно растить. Не люди – волки, сильные и безжалостные. Удар франкской пехоты редко какая армия могла сдержать, уж больно страшен был ее натиск. И только аварские всадники били этих германцев раз за разом, безнаказанно расстреливая в бесконечной конной карусели.

Остальные же в караване были похожи на купца Приска. Телега с товаром, пара слуг да хозяин, что рассчитывал закупиться на беспокойном славянском приграничье. Кто шел за мехом, кто за медом, а кое-кто, как и хозяин, рассчитывал поживиться рабами. В Ратисбоне был отличный рынок, куда и гнали живой товар из земель вендов. Гнали авары, гнали баварцы, гнали и сами славяне, что стало в свое время для Само неприятным открытием. Впрочем, он уже ничему не удивлялся. Ведь великое славянское братство существует только в фантазиях очень добрых и наивных людей, к которым мальчишка Самослав не относился. Он был сыном своего времени, которому пришлось повзрослеть очень и очень рано.

Они миновали древний Аргенторат, который алеманы назвали Штрасбургом (5). «Город у дороги» на их наречии. Старая римская крепость была когда-то давно разрушена гуннами Атилы, и от имперской старины тут не осталось почти ничего. Только стены были сложены из обломков римских домов, как и по всей Галлии, где величественные руины споро разбирали на кирпич все кому не лень. Не пропадать же добру. Тут заканчивались спокойные земли, как заканчивалась власть христианских епископов, уступая место древним германским богам. Город жил торговлей между старым римским миром и племенами за Рейном, где все было так же, как сотни лет назад. Полудикие племена язычников германцев и вендов жили небольшими общинами, лишь иногда ставя городища там, где это требовалось для обороны или торговли. С Штрасбурге купец нанял двух плечистых франков-рипуариев (6). Дорога была слишком опасна, как опасен был товар, который они погонят назад. Здесь же наемники стоили куда дешевле, чем в Бургундии, и бойцами были отменными, не чета изнеженным римлянам из благодатных южных земель.

Через Рейн караван переправился на плотах, и купцы очутились в землях, где спать нужно было в полглаза. Франки деловито проверили оружие, подтянули ремни и ленты на голених. В бою любая мелочь может стоить жизни. Заночевать решили тут же, на берегу, и выйти с рассветом. Осталось всего две недели пути.

1 Ратисбона – город Регенсбург в Баварии. Был крупным торговым центром на границе с аварами и славянами.

2 Серв – раб (лат.)

3 Мужичкой называли народную, или вульгарную латынь. Простонародная речь от классической, церковной латыни к седьмому веку уже отличалась весьма сильно. Именно на народной латыни говорило римское население меровингской Галлии. Из нее и возникли романские языки, в т.ч. французский.

4 Дромон – византийский корабль, имеющий паруса и гребцов, преимущественно военный.

5 Современный Страсбург

6 Рипуарские (речные) франки – уроженцы северной Германии и Нидерландов.

От франков салических их отделял огромный Угольный лес. Главный город – Кёльн.

Это был третий день майских ид (1), и они были в пути без малого двадцать дней. Само с трудом усваивал заковыристый римский календарь, в котором не было сплошной нумерации дней. Счет велся от ид, нон и календ, и это сводило с ума своей нелогичностью. Тем более, что те же иды в разные месяцы выпадали то на пятнадцатое, то на тринадцатое число. Все это напоминало урок русского языка в грузинской школе, потому что понять это было невозможно, и приходилось просто запоминать.

Гигантский бор, покрывавший тогда всю Европу восточнее Рейна, прерывался кое-как расчищенными под пашню землями, где стояли редкие деревни германцев. Каждое такое селение представляло собой десяток длинных, похожих на коровники домов под соломенными крышами. Тут жили по три-четыре поколения одной семьи, а загон для скота зачастую отделялся от жилой половины лишь низкой перегородкой. Запах в этих жилищах стоял соответствующий. Впрочем, алеманы были ребята неприхотливые, напоминая Само его односельчан. Так же, как и в словенских деревнях, вокруг домов бегали голые ребятишки, которых начинали одевать лишь к холодам. Те, кто постарше, пасли свиней, выискивая поляны, где дубы в три обхвата толщиной давали горы отборных желудей. Пахали тут на волах, тянувших свою нелегкую ношу с гордым достоинством. Их же запрягали в телеги, потому что лошади здесь были мелкие, куда слабее быков. Кое-кто из купцов, прихвативший для мены ножи, топоры и бабские украшения, придирчиво перебирал шкурки белок и куниц, которые водились здесь в изобилии. Приск, который вез лишь золото в кошеле на шею, в мелочной торговле не участвовал. Он был выше этой мышины возни.

Само смотрел на мир словно по-новому, и простейшие вещи вызывали у него неподдельный интерес. Ведь раньше он просто не обращал на них внимания. В его голове набатом бился один-единственный вопрос: А что делать дальше, если уж непонятный изгиб судьбы занес его сюда?

Раб в этом обществе – чуть выше животного. Он не может иметь имущества, он не имеет права голоса, и даже в суде признают его показания только в том случае, если они получены под пыткой. Потому что раб – изначально лживое существо, которое лжет только потому, что он раб. Из этого бесконечного колеса нужно будет как-то выскочить, но пока ни одной дельной мысли в голову Само не приходило. Он обдумывал десятки вариантов побега, но все они заканчивались либо новым рабством, либо смертью. Без денег, без друзей и родных, не умея пользоваться оружием, выжить здесь было нельзя. Да, и если сбежать, идти-то все равно некуда. Его рода больше нет, а его остатки уже раза три сменили место жительства, расчищая под запашку новые участки. Земля, удобренная пеплом, родила недолго, и приходилось уходить с насиженного места, которое вновь зарастало лесом. Да и не хотелось Самославу начинать новую жизнь в словенской глухомани, где придется молиться скверно обтесанной деревяшке и до конца жизни страшиться набега авар и германцев.

По законам жанра, он уже должен был найти клад, получить от волшебника в ближайших кустах чудо-меч и спасти украденную принцессу неопишуемой красоты, которая влюбится в него, как кошка. А потом цепочка счастливых случайностей должна была вознести его на самый верх местного общества просто за то, что он когда-то получил аттестат о среднем образовании. И да, ведь любой попаданец гораздо умнее местных,

которые как-то выживали без магазинов на первом этаже дома, центрального отопления и бесплатной медицины. Реальность оказалась суровой. Волшебников тут не было, а с теми, кто ими пытался притворяться, церковь расправлялась без всякой жалости. Обычно их просто резали без суда и следствия, и никому даже в голову не пришло бы задать самому епископу вопрос из-за подобной мелочи. Раз убили, значит было, за что. Принцессы здесь вроде бы какие-то были, но поскольку их отцы погибли, любящий дядюшка Хлотарь заботливо запер племянниц в монастыре, откуда они не выйдут до конца жизни. А у его величества дочерей и вовсе не было, только сыновья. Он, его королевское величество, детьми был небогат, потому что безумно любил свою жену, а она любила его. И у него была всего одна жена, что у германских королей было делом нечастым. Вот такой он был чудак. Короли веровали в Христа и были многоженцами. По какой-то неясной причине христианские епископы не находили в этом ничего странного, возмущаясь только, если король вдруг решал взять третьей женой какую-нибудь монашку. Странное это было время...

Так вот, окружающая действительность оказалась предельно прозаичной, простой, и жестокой к мальчишке Самославу. Он – серв, движимое имущество уважаемого купца и его семьи. Никаким воином он стать не сможет, потому что война – удел королей и их дружин, куда можно было попасть только по наследству. Королевские лейды считались как бы младшими родственниками государя, служившими пожизненно. Вольные франки из незнатных родов были обязаны выставлять ополчение во время войны, а потому тоже были людьми уважаемыми и зажиточными. Да только Само – не франк, и притвориться им не сможет. Тут не было паспортов, но у каждого человека был род, община и староста-центенарий (2), который знал каждого своего односельчанина с рождения. Староста подчинялся графу, а тот – герцогу. Получался парадокс. В отсталой стране, где не было документов, почты, и большая часть населения не знала грамоты, спрятаться было почти невозможно.

Шатаешься по дорогам без дела – тут же староста со своими людьми схватит тебя, опасаясь того, что ты пришел красть свиней на его хуторе. А зачем еще одинокий человек будет бродить без дела по дорогам Галлии? Точно, хочет что-нибудь украсть, иначе сидел бы дома, как все нормальные люди. Потом бродягу передают графу, который с помощью доброго слова, бича из воловьей кожи и раскаленного железа очень быстро узнает правду. Так что вариант сбежать и выдать себя за принца из далекой страны развеялся, как дым. Столь эпических идиотов, которые поверили бы в такую чушь, среди местных жителей просто не было. Хотя, если отрастить волосы, и притвориться незаконным потомком кого-нибудь из королей Меровингов, можно было бы попытаться счастья. Но, скорее всего, это закончилось бы скверно, и пример зверски убитого самозванца Гундовальда, на славу покуралесившего в свое время, тому пример.

Лет пятьдесят назад только франки имели право ходить в военные походы. Но в последние десятилетия, когда страна полыхала огнем междоусобиц, на войну гнали кого попало, и даже римские города выставляли ополчения под страхом огромных штрафов. И что за воин из ткача или горшечника? Так, до первого боя... Но даже в те тяжелые времена никому и в голову не приходило дать оружие в руки рабу. И если случится чудо, и жадный до безумия Приск отпустит его по всем правилам, то он станет вольноотпущенником. В глазах общества это уже чуть выше раба, но все равно существо третьего сорта, которое обязано службой бывшему хозяину. Выходило так, что воинская карьера в королевстве франков для такого, как Само была невозможна. А ведь, как на грех, вся аристократия

и состояла из воинов.

Была еще гражданская служба, куда брали грамотных людей. Но уровень образования Самослава оставлял желать лучшего. Ведь он даже не мог процитировать Овидия или Венанция Фортуната. В Галлии все еще работали школы, уцелевшие с римских времен, и высшие чиновники были блестящими знатоками римского права. Да, была еще одна сущая мелочь. Все они были выходцами из знатных сенаторских семей, которые прочно оккупировали все гражданские должности и епископские кафедры.

В делах божественных все оказалось еще веселее. Никакой католической церкви еще не существовало, а был епископ в Риме, который назначался из далекого Константинополя. Вся эта жесткая церковная вертикаль, единообразие богослужений, могущественные монашеские ордена – ничего этого не было и в помине. Христианство раздирали распри, которые в конечном счете и похоронят потом Византию. Религиозная мысль была ключом, как пузыри после дождя появлялись новые течения, которые как-то по-своему читали Священное Писание. Эти секты иногда были настолько причудливы в своих воззрениях, что завоевание римских территорий арабами население восприняло спокойно, считая ислам какой-то новой трактовкой Священного Писания. Не огнепоклонники, как персы, ну и ладно. Церковь же в королевстве франков жила своей жизнью, не подчиняясь вообще никому. Епископов выбирал народ, а утверждал лично король, и зачастую высшие церковные чины происходили из одной семьи, передавая свои должности по наследству столетиями. Ах да! Епископам как бы нельзя было иметь жен, но они их имели, игнорируя запреты из далекого Рима, постоянно осажденного варварами-лангобардами. Величайший ум своего времени, покойный папа Григорий Великий, объявил войну распоясавшимся прелатам. Он нашел союзника в лице королевы Брунгильды, и на горле самовластных церковных князей стала затягиваться удавка. Жизнь понемногу начала меняться, и одного из самых уважаемых епископов изгнали с его кафедры просто за то, что молодая симпатичная монашка слишком часто исповедовалась ему всю ночь напролет. А ведь еще недавно такая малость не вызвала бы даже интереса, ведь при короле Гундовальде, это самозванец который, епископы занимались разбоем, пьянством и держали целые гаремы, оставаясь совершенно безнаказанными. Впрочем, Брунгильде ее строгость тоже вышла боком, и епископы Галлии спокойно восприняли то, что их благодетельницу казнили самым, что ни на есть зверским способом. Ни один из этих проповедников милосердия не поднял голос в ее защиту.

Всю эту информацию Само получил от уважаемого купца, чем привел того в немалое изумление своим любопытством. Ведь до сего дня ленивый раб не проявлял интереса ни к чему, кроме еды. Он даже попросил научить его читать, чем чуть не довел хозяина до обморока. И вот тогда почтенный Приск вконец потерял терпение, справедливо решив, что эта неслыханная дерзость должна быть наказана, и поколотил Само палкой. Впрочем, он что-то такое прочел в глазах парня, и бил его без особенного рвения. Вроде нужно радоваться, но тень испуга, промелькнувшая при этом в глазах хозяина, Самославу не понравилась совершенно. Тот явно был неглупым человеком, и изменений, произошедших с его собственным рабом, не заметить не мог. Ведь он поколотил не трусливого мальчишку-серва, он бил человека, который размышлял при этом, как бы ему за такое оскорбление половчее вскрыть хозяину глотку. А ведь Само до этого момента и не знал, что такое оскорбление, и считал побои частью своей рабской доли. У невольника нет чести, а значит, и отнять ее невозможно.

Приск был озадачен и встревожен. Ремесло работоторговца требует знания человеческих

душ, иначе однажды тебя найдут с ножом в сердце, ограбленным до нитки. А потому интуиция почтенного купца была во все колокола, она чуяла опасность. Вечером, у костра, когда Само с жадностью доедал кашу из котелка господина, он услышал неожиданный вопрос:

– Кто ты такой? – Приск спросил это тихим и спокойным голосом, но парень уловил в нем затаенный страх. Да и рука, то и дело поглаживающая рукоять кинжала на поясе, выдавала волнение многоопытного купца.

– Я Само, мой господин, – сказал раб самым невинным голосом, на какой был способен. – А кто же еще?

– Ты лжешь, – убежденно сказал купец. – Я знаю Само с пяти лет, я знаю его лучше, чем он сам. Я купил его в Ратисбоне, и он вырос на моих глазах. Ты – не он, ты просто занял его тело, говоришь его языком и смотришь на меня его глазами. Признайся, ты злой демон? Или я сейчас же позову стражников, и тебе подпалят пятки.

– Я клянусь святым Мартином, что никакой я не демон. Вот те крест! – Само перекрестился, и понял, что только что сморозил чудовищную глупость. Прижимистый хозяин оставил его в язычестве. Ему было плевать, кому молится его двуногая скотина. Ведь по местным обычаям, раб – не человек, и у него нет души.

– Это еще как прикажешь понимать? – растерялся Приск. Мальчишка был язычником, а значит, он оказался прав, и раб одержим демоном. Но демон не может поминать великого святого, покровителя Галлии. Много позже такое состояние назовут разрывом шаблона, и именно в нем пребывал сейчас почтенный купец. А Самослав лихорадочно обдумывал свое незавидное положение, и искал пути выхода из опаснейшего положения, в котором сейчас оказался. Хозяин, чтобы узнать правду, был волен его не только пытаться, но и убить, не понеся при этом никакого наказания.

– Мне приснился сам святой Мартин, хозяин, и я уверовал, – скромно опустил глаза вниз, ответил Самослав, сердце которого было готово выскочить из груди. – А взамен великий святой пообещал мне свое покровительство, если я приму крещение. Я ему это обещал.

– Святые угодники, – в ужасе прошептал Приск и начал мелко креститься. – Да ведь тут и церковей то нет! Дикая места!

– Так я не спешу, хозяин, – почтительно ответил ему раб, едва уняв страх. Франки зарежут его по щелчку пальцев хозяина. – Как церковь увидим, там и окрестись меня.

– Деньги только на тебя тратить, – ворчливо заявил купец, приходя в свое обычное состояние. – Дьякон дары потребует. А ничего лишнего у меня нет.

– Как скажешь, хозяин, – ответил Само, сохраняя почтительное выражение на физиономии. Вечер был прохладным, но он обливался потом, а в голове вертелась дурацкая фраза из старого анекдота: Штирлиц был близок к провалу. Незатейливая и безыскусная личность мальчишки растворилась без остатка в личности куда более сильной, волевой и умной. И именно это чуть не погубило все дело. Уж слишком заметны стали изменения, произошедшие с неграмотным рабом.

– Что еще сказал тебе святой? – жадно спросил купец.

– Он сказал, что ты побьешь меня палкой, – не моргнув глазом, соврал Самослав.

– Чудо великое, – снова перекрестился побледневший купец. – Спаси меня господи, истинное чудо! Надо церковь одарить. Обязательно одарю. Потом, когда вернемся... Если заработаю в этой поездке... Сразу после свадьбы старшей дочери.

– Это не все, хозяин, – решил добавить Самослав купца. – Он сказал, что я стану

свободным, и это принесет тебе много денег.

– Не может этого быть! – выпучил глаза торговец. – А сколько денег?

– Не знаю, – пожал плечами Само. – Он мне не сказал. Так что, читать научишь?

– Ты же венд! – потрясенно смотрел на него хозяин. – Ты же язычник, дикарь. Никто не видел венда, который знает грамоту. Ведь вы животные, годные только на то, чтобы грести на кораблях и рубить камень.

– Я бы все-таки попробовал, – решительно сказал Само, и ударил хозяина в самое сердце. – Разве грамотный раб не стоит дороже?

Это был нокаут, ведь почтенный купец был жаден, как императорский евнух. С этого момента жизнь Само сильно изменилась, и каждую свободную минуту он мусолил лист папируса, на котором хозяин записывал свои сделки. Арабские пираты еще не остановили морскую торговлю, а потому купцы везли папирус из Египта в огромном количестве, и он был не слишком дорог. К удивлению парня, букв в алфавите оказалось не двадцать шесть, а двадцать три, и начертание их было довольно непривычным. Например, буква Z выглядела так, что ее и узнать было нельзя, а J, W и U, видимо, еще не придумали. Грамматика и синтаксис в это дикое время отсутствовали напрочь, но зато и писали точно так же, как слышали. То есть, как бог на душу положит, лишь бы понятно было. Само пришлось изрядно попотеть с разбором скорописи, которой пользовался хозяин, но труды его были вознаграждены. Уже через три дня он читал документ с любого места, вызвав у купца состояние, близкое к сердечному приступу. Ведь сам почтенный Приск в юном возрасте потратил на обучение несколько лет и кучу отцовских денег.

– Да что же это такое! – потрясенно спросил Приск. – Глазам своим не верю! Может, ты еще и считать на абаке (3) умеешь?

– Это такая деревянная доска с костяшками? – спросил его Само, который видел у хозяина этот прибор, похожий на счеты у продавщицы в советском гастрономе. – Нет, на абаке я считать не умею, но могу научиться. Хотя, я и без него считаю неплохо.

Хозяин нахмурился и отвернулся, а сердце Само царапнуло неприятное предчувствие. Видимо, он все-таки перегнул палку, и теперь прикрыться личиной прежнего, вечно голодного простачка с наивным взглядом у него уже не выйдет. Самослав сделал серьезную ошибку. Ведь он только что дал понять хозяину, что умнее его, а подобное никому и никогда не прощается. Особенно, если это сделал мальчишка-невольник, родившийся на берегах Дуная. Колесо судьбы со скрипом повернулось, уводя жизнь славянского раба совсем в другую сторону, прочь от гарантированной миски каши и дощатой лежанки на рабской половине дома, застеленной драным тряпьем. Только он сам об этом еще не догадывался.

1 – Майские иды – 15 мая

2 – Центенарий – староста, руководящий территорией, с которой призывается сотня воинов-ополченцев.

3 – Абак – древнейшее подобие счет.

– Это всё, что у тебя есть? – разочарованию почтенного купца не было предела. Торг был беден, как никогда раньше.

Рабов на продажу было совсем немного, всего три десятка полуголых мужиков от пятнадцати до пятидесяти лет от роду, сидевших в загоне из деревянных жердей. Ратисбона оказалась захолустной дырой, окруженной непролазными лесами. Тут не было ни одного каменного строения, и даже стены города были сделаны из дубового частокола с единственными воротами. Хозяин вошел в дом к торговцу, с которым вел дела уже много лет, оставив Самослава на входе, и позволил тому невозбранно наслаждаться бездельем. Парень, привалившись к щелястой деревянной стене, подставил лицо ласковому весеннему солнышку. Человеку из двадцать первого века было безумно скучно, ведь жизнь здесь оказалась медленной и тягучей, как кисель. Событий было мало, и мозг, привыкший получать ежеминутно новую порцию информации, дымился, работая вхолостую. От невыносимого безделья, сводящего с ума, Самослава спасло только то, что он подслушивал. Деревянные стены пропускали звук весьма неплохо, и Само отчетливо слышал каждое слово, которое сказал хозяин.

– Это всё, что у тебя есть?

– Всё, – пожал плечами старый партнер Приска Хуберт. Могучий баварец с окладистой бородой, тронутой проседью, скупал пленников оптом у славян и авар уже много лет, а порой и сам ходил в набег с сыновьями, которых у него было девять человек. Хуберт имел помимо жены еще трех наложниц, детей от которых он признал по всем правилам. – Сейчас товара немного, венды двинули на юг, целыми племенами уходят в Грецию и Македонию. Там тепло, и земля лучше родит. Бери этих, пока отдаю. Поверь, я продам их быстро.

– Святой Мартин, помоги мне, – расстроено сказал Приск. – А куда же смотрит император? Он что, подарит дикарям свои земли?

– Да ты не знаешь ничего, – покровительственно сказал Хуберт. – Тысячи вендов с армией великого кагана ушли. В прошлом году они чуть не взяли Фессалоники. А император увяз в войне с персами, и не может больше защитить свои границы. Греция скоро станет землей вендов (1).

– Разорение, сплошное разорение, – обреченно шептал Приск. – Как можно вести дела, когда весь мир летит в пропасть? Дикари осаждают города Империи, во Франкии закончились войны, а ничтожные рабы учатся читать за три дня. Мир сходит с ума!

– Ты это о чем? – услышал Самослав удивленный голос Хуберта.

– В королевстве франков мир. Ты что, не знаешь? – растерянно ответил Приск.

– Да знаю, конечно, – перебил его Хуберт. – Ты что-то сказал про грамотного раба.

– Да мальчишка, который мне прислуживает, за три дня научился читать, пока мы сюда шли. Говорит, ему святой Мартин приснился и благословил. Если бы я сам не купил его у тебя десять лет назад, в жизни не поверил бы. Как подменили мальчика, и еще смотрит так нагло, что хочется сотню плетей ему всыпать.

Самослав насторожился, потому что за стеной повисло тягостное молчание. Интуиция не подвела, и он услышал короткую, словно удар плетью, фразу.

– Продай!

– Что продать? – ответил удивленный Приск. – Мальчишку? Не продам, самому нужен.

Он у меня десять лет живет, я к нему привык.

– Тридцать солидов, – громыхнул бас Хуберта.

– Да ты шутишь? – в голосе Приска послышалась немалое удивление. Цена была велика. Примерно в пять раз больше, чем стоил взрослый раб в этом захолустье. – В чем подвох?

– Тут один купец из Карфагена есть, – неохотно ответил баварец. – Я могу грамотного евнуха ему продать. Здесь такой товар редкость, сам знаешь, чем мы тут торгуем. Если выдержит операцию, деньги твои.

– Меньше чем за сорок не отдам, – ответил Приск после раздумья. – Ты же знаешь, сколько мальчишек после этого умирает. Больше половины!

– Я мастер в этом деле! – уверил его Хуберт. – У меня рука легкая. Чик, и готово. Тут главное не дать кровью истечь. Соглашайся, Приск! Тридцать солидов, большие деньги.

– Я сначала твоих вендов посмотрю, – сказал после раздумья Приск. – Мне надо подумать.

Дальше Само рисковать не стал и отбежал от дома на полсотни шагов. Не дай бог, хозяин прознает, что он подслушивал. Тут же прикажет заковать, чтобы не сбежал. Он уселся на пенек, обдумывая свою незавидную участь. И ведь как назло, в голове не было ни единой дельной мысли. Ему было страшно до безумия, страшно так, что хотелось немедленно дать дёру. Да только здесь бежать некуда, лес вокруг, да узкие дороги, перекрытые герцогской стражей. Пустят собак по следу, и загонят, словно оленя. Это же пограничье, тут народ даже спит вполглаза. Ведь если чуть расслабиться, пропустишь аварский набег, и тогда беда! Времени было совсем мало, всего несколько часов, но тут Само, который очень сильно не хотел расставаться со своим мужским естеством, подпрыгнул на месте. Он придумал! Парень вскочил, и подбежал к рабскому загону, где сидели пленные славяне. Стражники пропустили его без лишних вопросов, они знали, что он был переводчиком у покупателя.

– Шалом, православные! – бодро заявил он, и только потом понял, что сказал это по-русски. Глаза пленных, обращенные к нему, выражали полнейшее недоумение. – Тьфу, ты! Здорово, земляки! – перешел он на словенский говор. – Откуда будете и как попали сюда?

– Я – Збых, хорутане мы, – неохотно ответил молодой парнишка с синяком на половину лица. – Дулебы (2) проклятые обманули. Позвали на тризну (3) и повязали пьяных. А тебе зачем?

– Так и я из хорутан буду! – в сердце Само загорелась безумная надежда. Тут продавали много его земляков, ведь земли этого народа граничили с Баварией. – Отец мой Берислав, а мать Милица. Может, слышали про мать мою и братьев, а?

Многие помотали головами. Они ничего о его родне не слышали. Остальным было плевать, и они сидели, угрюмо уставившись в одну точку.

– Я знавал одного Берислава, на Фриульского (4) герцога вместе ходили, – неохотно ответил крепкий мужик лет тридцати со спутанной гривой русых волос и ярко-голубыми глазами.

– Так это мой отец и есть, – торопливо заговорил Само, почувствовав, как робкий огонек надежды разгорается в груди все сильнее. Его безумный план, рожденный запредельной дозой адреналина, бушующей в крови, обретал все более реальные очертания. А тех Бериславов в землях словен было чуть меньше, чем желудей в лесу. – Тебя как звать-то?

– Горан, – коротко ответил пленный.

– А не тот ли ты Горан, что копьё на полсотни шагов без промаха бросает? – продолжил вдохновенно врать Самослав, оценив по достоинству тело, переплетенное узлами тугих

мышц. Этот тип и дальше копьё бросит, тут даже сомнений нет. – Мне отец про этого Горана рассказывал, когда я совсем малой был. Сказывал, он страха не знает и силы медвежьей.

– Это я и есть, – с приятным удивлением ответил мужик, который даже выпятил мускулистую грудь под уважительными взглядами земляков. Ишь ты, о нем в самой Баварии слава идет! – А ты чего хотел-то, паренек?

– Чего я хотел? – счастливо улыбнулся Самослав, который почувал, как поймал за хвост птицу удачи. – Свободу получить и много золота заработать. Только я один не справлюсь, люди нужны. Тебе, дядя, все равно со своими парнями в Марсель топать. Там тебя цепью к веслу прикуют, а когда сдохнешь лет через пять, в море бросят. С ромейской галеры еще никто не сбегал. Ну что, поговорим по-взрослому?

– Говори, – коротко обронил Горан, а на Само уставились тридцать пар внимательных глаз, в которых читалась надежда.

Месяц спустя.

Рабский загон был забит под завязку. Рыдающие дулебские бабы обнимали детей, понимая, что могут их больше никогда не увидеть. Их мужья, избитые до синевы, сидели рядом, и тоже не выглядели веселыми. Каждое второе слово, которое здесь звучало, было проклятием в адрес хитроумного вождя, который навлек на них гнев богов. Еще бы, они презрели законы гостеприимства, и обманом продали хорутан, что жили по соседству. Хотя, конечно же, хорутане и не люди вовсе. Они воры, разбойники и негодяи, с которыми честные дулебы бьются уже не одно десятилетие. А посему мысль вождя показалась родовичам очень остроумной и заслуживающей всяческого внимания. Так небольшой дулебский род внезапно разбогател, пригнав к старому другу Хуберту три десятка мужиков на продажу. Цена была прежней. За одного человека – один топор или два копьё из хорошего железа, и теперь будущее казалось им безоблачным. Они радовались недолго, и всего через два месяца хорутане пришли вернуть должок с процентами, о которых дулебы не имели ни малейшего представления.

Ворота загона отворились. В них зашел молодой парень с не возрасту острым взглядом, а с ним – десяток налетчиков-хорутан и какой-то смуглый франк с вьющимися смоляными волосами. На физиономии его было написано неопишное удивление и смесь радости с жадностью. Хорутане оперлись на трофейные копьё, презрительно поглядывая на униженных соседей, а парнишка и франк начали разговор на латыни, которую тут никто не понимал.

– Я выполнил уговор, – сказал парень.

– Ты забыл добавить «хозяин», – злобно посмотрел на него чернявый купец. Без сомнения, это был Приск.

– Мы сейчас рассчитаемся, и ты отдашь мне грамоту с вольной. А потом мы пойдем к дворцовому графу, и ты при свидетелях меня отпустишь, – спокойно ответил парень. – И добавил с нажимом. – Хозяин!

– А если я не стану тебя отпускать и продам Хуберту, наглый щенок? – в ярости выплюнул купец. – Что тогда?

– А тогда я мигну парням, и они зарежут тебя прямо здесь. Ты же богохульник и лгун. По всем тутошним обычаям ты и не человек будешь, а кусок дерьма. Графу этими рабами виру за твое убийство заплатим и уйдем в леса, – парень был само спокойствие, а в его глазах читалась решительность.

– Кто. Ты. Такой? – раздельно произнес купец, ощущая на своем горле холодное железо тесака.

– Я Само, забыл? – издевательски произнес парень. – Можешь осмотреть товар. Лют, отпусти его! Еще зарежешь ненароком, а он еще не расплатился.

Дулебов поднимали по одному, разглядывая, как скотину на торге. Молодых и симпатичных девок, ревущих от стыда, осмотрели первыми, без стеснения раздевая под гогот стражников. Это было их любимым развлечением. Крепких баб, годных к работе раздевать не стали, нечего там смотреть, кроме зубов. Мужиков Приск тоже осмотрел придирчиво и остался доволен, хоть и старался не показать вида. Впрочем, ему нечего было сказать. Само выполнил свой уговор.

– Не забывай, «хозяин», что я десять лет постигал эту науку, – внимательно посмотрел на него раб, вольная на которого лежала в сумке купца. – Все без обмана. Крепкий мужик за каждого из моих парней, пять молодых девок – за меня, а остальных ты покупаешь по честной цене. Таков был уговор, и свидетели это подтвердят.

– На, подавись, – купец в раздражении вытащил свиток и сунул в руки Самослава. – Сделку закончим, и пойдем к графу. Я от своих слов не отказываюсь. А твоих людей я и освободить не стану. Мне что один венд, что другой. Вы, животные, все на одно лицо. Будем считать, что я купил у Хуберта этих, – и он ткнул пальцем в унылых дулебов.

– Еще раз скажешь что-то подобное, жадная сволочь, и сделка будет расторгнута, – в глазах Самослава плеснулся гнев и оттуда выглянул кто-то жесткий и страшный, прятанный за наивными голубыми глазами мальчишки. – Я тебя зарежу собственной рукой, а потом заплачу за твою смерть. Ты все понял?

Приск часто закивал, ощущая, как где-то в низу живота появилось постыдное желание отбежать в кусты. Он не был трусом, и часто попадал в переделки. Ему приходилось отбиваться от саксов и алеманов. Он не раз спасал свою шкуру и деньги, когда его путь пересекался с отрядами их величеств, шедших грабить соседнюю область. Но еще никогда ему не угрожали смертью просто за то, что он назвал животное животным. И кто? Его собственность, возмнившая о себе невесть чего.

– Давай перейдем к расчету за остальных, – сдерживая страх, ответил Приск.

Через каких-нибудь два часа ругани, клятв всеми богами и святыми, проклятий в сторону неблагодарного мальчишки, который был почтенному купцу, как родной сын, который десять лет жрал в три горла и спал целыми днями напролет, высокие договаривающиеся стороны пришли к согласию. Симпатичные девки пошли по десять номисм (5), крепкие мужики – по шесть, бабы – по четыре, детишки – по одной-две, младенцы – бесплатно. Самослав знал цены в Марселе, Арле и Лионе, знал он и расходы на дорогу, потому что все эти годы слушал причитания хозяина. Он знал всю экономику этого бизнеса, потому что учился читать по записям купца, где тот вел учет своих доходов и расходов. И эти листы папируса он помнил почти наизусть.

Почтенный купец сидел, чувствуя себя опустошенным. Он совершил хорошую сделку, он взял крупную партию товара, которую распродаст быстро и с прибылью. Да что там говорить, ему нужно было благодарить святого Мартина за это, но сердце точила злоба. И понял тогда Приск чуть ли не впервые в жизни, что не деньги главное. То, что не давало ему покоя, называлось уязвленным самолюбием, и никаким золотом невозможно было смыть тот стыд, что он чувствовал, когда собственный раб угрожал его зарезать. А еще он был растоптан, когда Самослав на прощание заявил ему:

– Ну что, бывший хозяин, давай прощаться. Впрочем, если хочешь, приходи сюда через год, к летнему солнцестоянию. Я приведу еще партию товара.

– Ты хочешь продавать мне товар вместо Хуберта? – изумлению купца не было предела. Мир только что перевернулся.

– Не тебе, так другим, – пожал плечами мальчишка. – Мне, в общем-то, плевать. Я же тут всех знаю, ты забыл?

– Я не забыл, – задумчиво сказал купец. Уязвленное самолюбие уступило здравому смыслу и холодному расчету. И тут бывший раб добил его.

– Здесь слишком дорогое железо. Я знаю, сколько оно стоит в землях франков. Ты возьмешь сюда оружие, плотницкие топоры, мотыги и серпы.

– Так это же я..., – купец задохнулся от перспектив, открывшихся перед ним.

– Это значит, что ты заработаешь двое, – припечатал Самослав. – Нам тут в лесах твое золото без надобности. Копья нужны, ножи-саксы (6) и самые простые шлемы.

– Чем платить будешь? – облизнул пересохшие губы купец.

– Мехом, медом и рабами, – жестко посмотрел ему в глаза Самослав. – Через пару лет налажу поставку янтаря.

– Янтаря? – простонал Приск. Это было серьезно, очень серьезно. Почти весь янтарь с берегов Балтики шел в Константинополь, и его было совсем мало. Купцы не рисковали ходить через дикие земли, а сами венды пока еще торговать не научились (7). И он решительно сказал:

– Мы договорились. Остался один вопрос. А если и эти венды захотят уйти к своему богу, как твои?

– Не захотят, – уверил его Само. – Мои тоже не хотели.

– Но они же пели... – растерянно сказал купец. – Так ты обманул меня?

– Ну, конечно же, я тебя обманул, «хозяин», – издевательски посмотрел на него Само. – И знаешь, что было самым сложным? Не заржать в голос, видя твою унылую рожу. Все, пока! Встретимся через год.

Вскоре после этого Самослав сидел на поляне вместе с земляками-хорутанами, осоловевшими от непривычной сытости. Четыре барана, что они купили и съели только что, вознесли их на вершину счастья. Само расстелил платок и высыпал на него почти четыре сотни франкских тремиссов (8), сверкнувших на закатном солнце крохотной золотой чешуей. Монетки были чуть больше ногтя мизинца, но они завораживали своим блеском простых парней, никогда не видевших столько золота сразу. Чего греха таить, тут всего пара человек это самое золото и видела. И то в виде браслетов и серег.

– Как это у тебя получилось? – почесал Горан кудлатую голову, выразив этим вопросом общее мнение. – Мы сколь раз сюда добычу водили, и половины этого не имели. И то, забирали всяким товаром. Я так понял теперь, что нас и на том товаре тоже нагрели.

– Так вы челядь (9) Хуберту продавали, – пояснил Само. – А уже тот франкским купцам, и с того свою выгоду имел. А теперь мы сами как тот Хуберт стали. Теперь понял?

– О, как! – задумался могучий мужик. – Ну что братья, как делить станем?

– По обычаю, – загудели все. – Вождю – десятую долю, остальное поровну.

– А кто у нас вождь? – растерялся вначале Самослав.

– Да, теперь получается, что ты, – усмехнулся Горан, кивая на кучу золота. – Мы с мужами тебя избрали. А если боги отвернутся от тебя, не взыщи, другого выберем. Таков обычай. Вождем становится тот, кому боги благоволят. Получается, это ты и есть, хоть

и на вид пацан пацаном.

– Ну, раз я вождь, слушайте мою волю, – усмехнулся Самослав. – Мы вообще ничего делить не станем. Я вот что предлагаю...

1 В начале седьмого века славяне уже плотно заселили Балканы, и проникли в Грецию. Через несколько десятилетий они дошли до южной оконечности Пелопоннеса, и владели этой землей, по словам византийского летописца, 218 лет. Их выбили оттуда уже в девятом веке, переселив в Сирию и Малую Азию. На Балканах славяне так и остались.

2 Дулебы тогда заселяли южную Чехию, на самой баварской границе. Ранее это племя, как и многие другие, разошлось в разные стороны. Часть жила на Волыни, часть ушла на Балканы. Это племя было наиболее пострадавшим от угнетения авар, что даже попало в Повесть временных лет.

3 Тризна – поминки, погребальный пир.

4 Герцогство Фриульское – государство лангобардов в Южных Альпах.

5 Номисма – позднее название римского солида. 4,55 грамма золота. Абсолютный эталон и главная валюта раннего средневековья. Пользовался полным доверием во всем мире из-за неизменного веса и пробы.

6 Сакс, или скарамасакс – широкий длинный нож, до 50 см. Носился каждым свободным германцем. Человек без ножа на поясе человеком не считался. Он был либо рабом, либо лишался оружия в наказание.

7 Славянские купцы появились в летописях лет через двести, когда сложилась Великоморавская держава. Через нее шел транзит с берегов Волги в Баварию.

8 Тремисс – одна треть римского солида. Солид в западной Европе был счетной единицей, средством накопления капиталов и сырьем для чеканки тремиссов королями-Меровингами.

9 челядь – рабы, полученные в виде военной добычи.

Месяц назад.

– А ну, вставай, ленивая скотина, – возмущенный Приск пнул бессовестно дрыхнувшего раба, который со всеми удобствами расположился в тени дерева.

– Ой, хозяин! – вскинулся Самослав, преданно глядя на купца. – Мне тут такое приснилось, ты не поверишь!

– Да что тебе может присниться, животное? – Приск был безумно зол. Товар дрянь, цена заоблачная, а тут еще раб наглейшим образом спит среди бела дня.

– Святой Мартин снова приснился, – почтительно сказал раб. – Он сказал мне, что тебя старый знакомый обмануть хочет, и ты большие деньги на этом потеряешь. А еще сказал, что с тобой скоро случится такое, чего никогда не случалось. Тебе это покажется несчастьем, да только никакое это не несчастье будет. Только богатство обретешь.

– Да что ты такое несешь? – купец облизнул внезапно пересохшие губы и ощутил, как где-то в груди ледяная рука сжала его сердце. Он присел на камень и вытер со лба обильно выступивший пот.

– Не знаю, хозяин, – раб смотрел на него наивными глазами, в которых плескалось искреннее недоумение. – Я и сам не понял ничего. Разве старые друзья могут обмануть? Они же друзья!

– Я же купил вендов, в чем тут может быть подвох? – обреченно произнес купец. – И по тебе я еще ответ не дал.

– По мне? – изумленно спросил паренек.

– Забудь, не твое дело, – махнул рукой купец. – Пошли к рабам, переводить будешь.

Они подошли к загородке, где венды стояли, подняв глаза и связанные руки к небу. Они тянули какую-то заунывную песню. Полуголые мускулистые тела в лучах заходящего солнца казались сделанными из узловатого дерева, лишь слегка тронутого топором плотника. Три десятка пленников что-то пели, не обращая внимания на своего нового хозяина, его переводчика, что стоял немного сзади с самым невинным выражением лица и стражников, которые изумленно смотрели на эту картину, опираясь на копья. Они, много лет торгующие живым товаром, никогда не видели ничего подобного. Одна песнь закончилась, и славяне затянули другую, не менее заунывную.

– Да что тут происходит? – в изумлении спросил Приск, который с ужасом вспомнил предсказание великого святого. Он, и впрямь, никогда не видел ничего подобного. – Они что, спятили?

– Они к смерти готовятся, хозяин, – легкомысленно сказал Самослав, на всякий случай покинув линию вероятного удара. Уж в этом у него был огромный опыт.

– К смерти? Как, к смерти? – побледнел купец. – Я же тогда разорюсь! Я же за них почти двести номисм отдал. Весь вечер с этим живоглотом торговался, даже вон того старика забрал. Хуберт нипочем не хотел их отдельно продавать, жулик проклятый. Только всех вместе. А я еще радовался, что в Марселе две цены за них возьму.

– Не, хозяин, в Марсель они не пойдут, они уже гимн смерти спели, – со знанием дела ответил Само. – Они на встречу к богине Моране собрались.

– На какую еще встречу? Какая-то Морана? Почему не пойдут в Марсель? – в который раз за этот день почтенный купец почувствовал, как его сердце сделало в груди

головокружительный кульбит и улетело куда-то в пятки.

– А зачем им туда идти? – с неподдельным изумлением спросил раб. – Только вспотеешь. Они и тут замечательно умрут.

– Как умрут? Зачем умрут? Я же их только что купил, – Лицо купца выражало столь неподдельное горе, что Самославу даже стало его жалко. Двести солидов были огромной суммой, и это пробило бы серьезную брешь в капитале купца, дела которого и так шли не лучшим образом. Крепкое крестьянское хозяйство с наделом земли еще совсем недавно можно было купить за двадцать-тридцать номисм.

– Это бойники, хозяин. Они же воины, и рабами становиться не хотят, – терпеливо пояснил Само. – Они знают, что в рабстве все равно умрут на рудниках или на весле ромейского дромона, вот и решили умереть сейчас. Они работать ни в какую не станут, хозяин, они грабежом жить привычные.

– Святой Мартин, помилуй меня, – убитым голосом сказал купец. – Да быть такого не может. Эй, парни, всыпьте им покрепче. Ишь, удумали умирать за мои деньги!

В загон ввалились охранники, которые принялись избивать пленных кулаками и короткими дубинками, стараясь не калечить. Вскоре венды, украшенные свежими синяками, сели в углу, угрюмо глядя на всех из-под бровей. Самый старый из них встал и произнес:

– Переведи ему парень, хочу хозяину слово сказать.

– Старик говорить хочет, – перевел Само купцу, который смотрел на купленный товар с нескрываемым отвращением. Святой Мартин свидетель, это была худшая сделка в его жизни.

– Пусть подойдет, развяжите ему ноги, – бросил купец, который побаивался подходить к куче злобных дикарей.

Старика подвели, и он униженно упал на колени, уткнувшись лбом в утоптанную сотнями ног землю. На его спине белели старые рубцы, а через прозрачную кожу проглядывали ребра. Из груди его вырывалось хриплое дыхание с кашлем. Венд был не жилец, его в тот Марсель и тащить не стоит, сдохнет по дороге.

– Вот видишь, – самодовольно сказал купец, глядя на старика, что встал перед ним, почтительно опустив глаза. – С вами, вендами, по-другому никак нельзя. Вы же хорошего обращения не понимаете. Пусть говорит, что хотел.

Венд произнес что-то на своем языке, а потом одним прыжком оказался рядом, ударив Приска головой в грудь. Тот свалился в пыль и заверещал в ужасе. Старик сел на него верхом, и ударил купца головой в нос, превратив его в кровавую лепешку. Старик захохотал и торопливо заговорил по-своему, но удар копья прервал его сбивчивую речь. Остальные венды встали и, демонстративно плюнув в сторону хозяина, подняли руки вверх и снова что-то запели. Они больше не смотрели на стражников и купца, останавливающего кровь, ручьем текущую из разбитого носа. Им не было до них дела, они спешили на встречу с богом.

– Что сказал этот венд перед смертью? – со стоном спросил Приск, тыча пальцем на старика, разметавшего руки на пыльной земле.

– Сказал, что уходит к богу, как воин, а его братья последуют за ним, – услужливо сказал Само, сохраняя самое почтительное выражение лица, на котором была написана вселенская скорбь.

– Я думал, только даны (2) такие ненормальные, – простонал почтенный купец, с омерзением оглядывая заляпанную кровью одежду. – Неужели и эти в Одина веруют?

– Так и есть, хозяин, – подтвердил раб. – Просто они Одина по-своему называют. Воинские люди, они все одинаковые. Хоть даны, хоть словене.

– Я разорен, – простонал купец. – Двести номисм, двести! Ведь только что этому упырю все отдал!

– Это ты кого упырем называешь? – с угрозой в голосе произнес Хуберт, которого позвали подивиться на невиданное зрелище. Впрочем, в его голосе слышалась надежда, ведь за оскорбление свободного мужа полагалась такая вира, что купец разорился бы окончательно. – Не меня ли?

– Нет, Хуберт, как ты мог подумать! – торопливо ответил купец, которому только в местный суд осталось попасть для полного счастья. – Но ты обманул меня!

– Ты их перед продажей смотрел? – обоснованно возразил плечистый баварец. – Я тебе продал товар, а ты его купил. И я не знаю, чего бы это им вздумалось умереть. Может, им твоя рожа мысли о смерти навевала. Ты бы улыбался почаще, что ли, тогда и люди к тебе потянутся. Хотя, странно, конечно. Я тридцать лет вендами торгую, и такого дива не встречал.

– Они в Одина веруют, – расстроено ответил Приск. – Бойники какие-то.

– Тогда да, не повезло тебе. Эти работать точно не будут, – обронил Хуберт, не поменявшись в лице, и уже уходя, добавил. – Но ты заходи, как деньги будут. Подберу тебе кого-нибудь.

– Мне конец, – обреченно прошептал Приск, вся надежда которого была на эту поездку. Пока он просидит здесь с оставшимися деньгами, пока здесь появится новая партия рабов, может наступить глубокая осень. Надежда совершить еще один переход была. Но если случится хоть малейшая задержка, то ему придется остаться в Ратисбоне до весны, и кормить все это время толпу рабов, которые начнут умирать от простуды, выплевывая в кашле свои легкие. Пойти в Бургундию зимой – верная смерть. А ведь он просватал старшую дочь, и должен дать за нее достойное приданое, размер которого был уже оговорен. Придется идти к ростовщикам. Это была катастрофа!

Купец сидел, обхватив голову, и стонал, раскачиваясь из стороны в сторону. Самослав смотрел на него взглядом умудренного жизнью человека, изменившим его лицо почти до неузнаваемости. Он выбирал время. По его незаметному жесту хорутане закончили петь и сели на землю, с любопытством глядя, что же будет дальше.

– Хозяин, хозяин, – несмело тронул купца за плечо Само. – Я знаю, как помочь твоей беде. Ты снова будешь богат.

– Что ты такое плетешь, скотина? – убитым голосом сказал купец. – Ты пьяный, что ли?

– А разве ты забыл, что сказал святой Мартин? – вкрадчивым голосом сказал Само. Все, пора брать купца в оборот, он готов.

– Что? – мутными глазами посмотрел на него купец. Впрочем, в его взгляде появилась робкая надежда. – Что ты сейчас сказал? То, что покажется потерей, приведет богатству? Я не верю в сказки!

– Грех тебе хозяин. Тебе же сам святой Мартин помочь хочет! Вот что я предлагаю..., – сказал Само, который оттачивал каждое слово из того, что планировал сейчас сказать. Он все еще не без оснований опасался, что хозяин решит поправить свои дела за счет продажи грамотного евнуха.

Две недели спустя.

Земли дулебов раскинулись на левом берегу Дуная, а в соседях у них были чехи, хорваты, мораване, литомержичи, лучане, седличи, лемузы и пшоване. На другом берегу великой реки поселились хорутане и еще одна ветвь хорватов, часть которых шла все дальше на юг. Впрочем, их родичи так и остались в своих лесах, с облегчением восприняв уход нахлебников. Словен становилось все больше, а там, на юге, можно было безнаказанно грабить богатейшие земли. Вот потому и переселялись целые племена на чужбину, беспощадно истребляя ромеев и занимая их дома и пашни. Лишь иллирийцы дали отпор захватчикам, забившись в неприступные горы. Через триста лет их станут называть албанцами. Вся эта земля буквально вскипела шестьдесят лет назад, когда великий каган Баян стремительным маршем привел своих всадников из степей на севере Китая. Мощным ударом он расплескал по сторонам народы римской Паннонии (3). Германцы-гепиды были уничтожены, а их родственники лангобарды ушли в Италию, отняв ее навсегда у Константинопольских императоров. А вот славянам пришлось тяжело, ведь часть из них стала рабами новых хозяев, а еще часть – их пехотой, которую безжалостно гнали под римские мечи. Под давлением свирепых лучников с длинными волосами, заплетенными в косы, славяне бурным потоком потекли на земли Империи, которая прочно увязла в бесконечной войне на востоке. У великой страны просто не было больше войск. Императоры бессильно смотрели, как дикари, вылезшие из своих лесов в бесчисленном множестве, разоряют Фракию, Иллирию и Грецию. Даже окрестности столицы разграбило объединенное войско аваров и славян. Быстроногие отряды мускулистых парней, одетых в одни лишь штаны, скорым шагом, покрывая по полсотни верст в день, врываются в мирные селения, не видевшие войны со времен Атилы. И именно там селились новые хозяева, приводя на благодатные земли свои роды. А вот дулебы пока оставались на своих землях, которые заняли после ухода германцев, и никуда уходить не спешили. Грозные авары пока больше смотрели на юг, в сторону Константинополя, удовлетворяясь умеренной данью и уводя на войны парней, которых, откровенно говоря, и так кормить было нечем.

Именно это и рассказал Горан парню, который затеял дело настолько невообразимое, что он в это и поверить пока не мог. Хотя одно то, что они ушли из Ратисбоны, получив запас еды, по тесаку на брата и мотки веревок, говорило об обратном. Они лежали в густых зарослях, ожидая, когда летнее солнышко выглянет своим краем из-под покрывающей ночи. Впереди была деревенька дулебов, принадлежавшая к роду тех самых святотатцев, что обманули честных и порядочных хорутан.

– Слышь, Горан, вот ты мне скажи, – тихо прошептал Самослав. – Вы зачем тогда колыбельную запели? Я же чуть не заржал, как лошадь. Все дело бы испортил.

– Так парням весело было, – подал тот могучими плечами. – Ты попробуй целый час петь с поднятыми руками, озвереешь. Мы и так все песни, что знали, перепели. А ты мне сам теперь скажи. Я же твоего бывшего хозяина насквозь вижу. Он ведь жадный, как имперский мытарь (4). Легче у голодного пса из пасти кусок мяса вырвать, чем у него хоть одну монету.

– Я попробую объяснить, – задумчиво сказал Само. – Ты вот на дудке играть умеешь?

– Умею, – кивнул Горан лохматой башкой. – А это тут при чем?

– Так человек та же дудка, – ответил ему парень. – И на ней тоже играть можно, нужные звуки извлекая. Он же кучу денег потерял, и жизнь его была закончена. Впереди – позор, расстроенная свадьба дочери, долги и нищета. И на этом фоне десять золотых, что я у него на эту дорогу выпросил, не такие уж и большие деньги. Они для него уже не решали ничего. А я ему дал понять, что он не только потери вернет, но и заработает еще. Вот он и поверил.

– А если мы сбежим? – запальчиво сказал Горан. – Зачем нам туда возвращаться?

– Чтобы золота заработать, – удивленно посмотрел на него Само. – Когда я ему сказал, сколько каждый из вас за этот поход получит, у него и сомнений не возникло. Уж во что, а в человеческую жадность он верит больше, чем в священное писание. У него даже сомнений нет, что мы вернемся. Он больше боится, что мы сгинем по дороге.

– Сколько, говоришь, тебе лет? – расширенными глазами посмотрел на него Горан. То, что говорил молодой парень, не укладывалось у него в голове. Впрочем, не по-юношески пронзительный взгляд уверил его в том, что ему это не снится.

– Шестнадцать где-то, – пожал плечами Само. – Я десять лет в неволе.

– Да что вокруг происходит! – заворчал Горан. – Зеленый сопляк говорит так, словно он муж, убеленный сединами. Горазд, Збых, Лаврита – ваша первая изба. Мстиша, Лют, Зван – вторая. Делаем, как Само учил. Кто собьется и своевольничать начнет, я тому зубы выбью.

Он распределил остальные тройки, благо деревеньки дулебов редко были больше, чем на шесть-семь домов. Отряд бесшумно двинулся к целям, неся заготовленную заранее снасть. Самослав лично разработал план, и все поползновения товарищей в стиле «Ща как налетим, половину перебьем, баб перетрахаем, а остальных потом по лесам ловить будем» отверг в самой жесткой форме. После чудесного освобождения прекословить ему никто не стал, подозревая, что у молодого щуплого парня какие-то свои взаимоотношения с богами. В этом они укрепились, когда он вручил каждому из них грубый кожаный пояс, широченный сакс длиной в локоть и целые бухты тонких конопляных веревок. Самослав не учел одной вещи. По обычаям тех лет тот, кто принимал в дар оружие, был обязан службой тому, кто ему его дал. И этот священный обычай сохранялся еще тысячу лет неизменным, превратившись в рыцарский ритуал. Горан же стал правой рукой Само, дивясь разумному не по возрасту парню. В основном он в прямом смысле вбивал дисциплину в соплеменников, пользуясь тем, что силы был необыкновенной.

Тройки стали у выходов из домов, а еще десяток встал по периметру редкой цепью, чтобы никого не упустить. Ведь если пойдет по соседним родам дулебов злая весть, что в их землях объявился отряд словен-людоловов, то поднимется весь край, и будут их гнать, как волков, пока не перебьют всех до единого. А потом и к родичам нагрянут, чтобы с них за кровь спросить.

Резкий пронзительный свист раздался над деревушкой, и из крытых камышом землянок начали выскакивать сонные мускулистые мужики с копьями, топорами и ножами. Отработанным десятком тренировок движением двое пеленали мужика в сеть, сделанную из веревок, а третий бил по голове дубинкой, обмотанной тряпками. Специально заготовленными и нарезанными в размер шнурами пятки связывали сзади с запястьями, лишая пленного возможности сопротивляться, когда очнется. Лишь в одном случае получился сбой, и могучий дулеб увернулся от сети, получив в поясницу удар заточенным и обожженным колом. Хороших копий у отряда не было. С бабами оказалось проще. Они выскакивали по одной, и их вязали рядом с мужьями. Двоих остановили дротиками, прилетевшими в спину. Самые ушлые ребята из тех, кто догадался разобрать крышу и побежал в сторону леса, упали со спутанными ногами. Самослав принес в эту землю боло, сам того не зная. Хорутане хохотали до слез, ловя друг друга по очереди веревкой с тремя шарами, и уже через пару дней работали этим оружием вполне прилично. У них, охотников, глазомер был на высоте.

Так они сделали еще несколько раз, ведь деревеньки рода шли цепочкой и были всего

в тысяче-другой шагов друг от друга. Они взяли в виде добычи топоры, копья и припасы, которые взвалили на пленных. Всех их погнали на запад, в Ратисбону. Всех, кроме вождя рода, которого принесли в жертву на тризне в честь старика Предрага, который умирал от лихоманки, но погиб, как воин, исполнив свою роль до конца.

1 Морана – богиня, которая олицетворяла смену времен года, то есть смерть и возрождение природы. Смерть находилась в ее прямой компетенции. Хотя миром мертвых правил Велес, а не Морана.

2 Даны -датчане

3 Паннония – римская провинция на территории современной Венгрии, и частично, Австрии, Словакии и Хорватии.

4 Мытарь – сборщик налогов. Зачастую это был сотрудник откупщика, вносившего в казну налоги авансом за определенную область. В этом случае сбор налогов превращался в банальный грабеж. Эта практика перекочевала из Рима античного в Ромейскую империю, а оттуда в Европу.

Быстрым размашистым шагом отряд шел на восток. Мужики шли груженные под завязку, но никто не жаловался, ведь свое несли. А свое, как известно, не тянет. Свою ношу тащил и новоявленный вождь, которому такой переход давался очень тяжело. Но показать слабость перед своими людьми было немыслимо. Авторитету сразу конец, и даже уход из плена и немыслимое богатство, что мужики несли за плечами, на поясах и в руках, не помогло бы. Трусов и слабаков тут не жаловали. Сухое жилистое тело было привычным к труду и скудной пище, но пеший марш в полной выкладке оказался для Само безумно тяжелым. А потому, как только случился привал, он почти упал на землю, разминая руками одеревеневшие ноги и спину. Завтра все будет болеть, он уже это чувствовал, но выбора не было.

– Ну, владыка (1), что дальше делать будем? – задал вопрос воин по имени Горазд, когда они сели у костра на первой же ночевке. До земель их рода было всего ничего, две недели пути, и там их уже ждали жены и дети. Семьи нужно было уводить. Месть – штука хорошая, да только у нее два острия. Дулебы, скорее всего, уже обнаружили исчезновение целого рода. И то, что трупы хорошенько спрятали, не поможет. Они рано или поздно обо всем узнают. Тот же Хуберт и расскажет. И тогда – война до полного истребления.

– Новое место искать нужно, – задумчиво сказал Самослав. – На старом нам только удара в спину от дулебов ждать, и от авар, когда им новые рабы понадобятся. Там мы не отобьемся. Место нужно такое, чтобы сюда удобно добираться было. Чтобы поближе к большим рекам с заливными лугами. А еще, место должно быть на горе или на стрелке рек, чтобы малый острог мог хороший отряд остановить. Но главное – чтобы Дунай был рядом, мы там богатый торговый устроим. Там наш род новую жизнь и начнет, сытую и безопасную. Знаете такие места?

– Конечно, знаем, – кивнул немолодой воин с ярко-синими глазами. Его звали Лют. – Там, где три разноцветные реки сливаются. Это в ничейных землях, от Ратисбоны три дня пути.

– Пассау, – простонал Само. – Как же я сам не догадался, я же был там.

Воспоминания из прошлой жизни захлестнули его с головой. Мюнхен, Регенсбург (он же Ратисбона), Пассау, где сливаются голубые воды Дуная, зеленоватые – реки Инн и почти черные – Ильца, текущего с севера. Неописуемое зрелище, которое навсегда врезалось в его память. Там еще недалеко Зальцбург...

– Зальцбург! Соляной город! – Самослав вскочил и начал ходить туда-сюда под изумленными взглядами товарищей. Они не возражали, ведь легкое помешательство тоже было знаком того, что вождь отмечен богами. Впрочем, славяне были ребятами рациональными, и когда такому вождю не везло, все сразу вспоминали, что он не отмечен богами, а просто слегка тронутый головой, и выбирали нового.

А ведь он был в Зальцбурге в прошлой жизни. Николай Семенович любил кататься на лыжах, и как-то раз совместил приятное с полезным. И спортом позанимался, и на экскурсии походил. Он тогда домой не из Зальцбурга полетел, а из Праги, немало покружившись на арендованной машине по Чехии, Австрии и южной Германии. И в городке Халлайн под Зальцбургом он тоже был, посетив соляные шахты. И речка там тоже называлась от слова «соль» – Зальцах. Там добывали соль кельты и римляне, затем все разрушили германцы, а потом эту землю захватил какой-то епископ из Баварии. В восьмом веке,

кажется. Вспоминай, Коля! Вспоминай, что там экскурсовод рассказывал!

– Соль! – вскрикнул Самослав. – Где вы берете соль?

Воины скривились. С солью были большие проблемы. Кое-где вместо нее золу пытались использовать, уж очень дорого. А как без соли на зиму ту же рыбу заготовить? Вот потому и умирали по весне маленькие детишки от бескормицы, а взрослые были похожи на скелеты, обтянутые кожей, с распухшими кровотокающими деснами. Потому и не оставалось в особо суровые зимы стариков в словенских селениях. Многие сами в лес уходили, чтобы жизнь своему потомству продлить. Говорят, смерть от холода легкая. Заснул и не проснулся.

– У купцов на мех меняем, – выразил общую мысль Горан. – И на мед. Но дорого очень. Откуда везут, нам неизвестно. Говорят, из далеких земель. А ты к чему это соль вспомнил?

– Я знаю, где можно много соли добыть, – просто ответил Само, с удовлетворением разглядывая фантасмагорическую картину, состоящую из открытых ртов и выпученных глаз. – Крем Марго кушать будем и батистовые портянки носить. – Впрочем, последнюю фразу никто не понял, потому что она была сказана на незнакомом языке. Очевидно, юный вождь на этом самом языке с богами разговаривал.

– Ты это... Владыка... не шути так, – голос Горана дал петуха. Он пришел в себя первым. – Если у нас своя соль будет, то мы в этих землях самыми богатыми и сильными станем. А если ее будут очень много, то мы станем богатыми и мертвыми.

– Думаешь, на нас войной пойдут? – ухватил мысль Самослав.

– Даже не сомневайся, – хором ответили мужики. – Все до одного пойдут. И баварцы, и лангобарды, и франки, и даже авары на огонек заглянут. Все захотят на такое сокровище лапу наложить.

– Значит, нам нужно людей побольше и стены повыше, – махнул рукой Само, не замечая благоговейного молчания своего отряда.

Пока что мужики склонялись к тому, что этот парень скорее скорбный головой, чем отмеченный богами. Впрочем, тут люди были с рождения готовы к смерти, и ничего необычного в ней не видели. Так почему бы перед этим не пожить богато. А жить богато – это значит есть досыта, иметь корову, кур и свиней. И чтобы в каждом доме – железный топор и копье из франкских земель с широким листовидным наконечником. И чтобы у каждой бабы – разноцветные бусы на шее. Хотя это уже было немыслимо. Не бывает на свете такого богатства.

– Слушайте, парни, – сказал вдруг Самослав. – Вы, конечно, ребята крепкие, но завтра мы никуда не пойдём. Я не собираюсь на себе такую тяжесть тащить.

Тридцать пар внимательных глаз уставились на него. Никто не смеялся.

Плыть на плоту оказалось куда легче, чем идти по лесным тропам, навьюченный, словно мул. Само лежал, положив ногу на ногу, и щурился на солнышко, что немилосердно припекало уже с раннего утра. Хорутане почесали лохматые головы и признали, что Владыка их, хоть и сопляк на вид, а соображает. И ведь каждый из них на плоту когда-то плавал, но ходить по земле им было куда привычнее. Четыре плота, набитые людьми и товаром, неспешно двигались по течению, направляемые подобием рулевого весла и шестами. На лицах парней было написано неопишное блаженство. Течение Дуная ниже Ратисбоны было извилистым, и река была совсем неширокой. Кое-где через нее можно было камень перебросить. И, когда они приплыли на место, это натолкнуло Самослава на еще одну интересную мысль. Завораживающая картина, где реки сливаются и текут рядом

разноцветными потоками, покорила не только его. Остальные тоже смотрели на это зрелище, открыв рот.

– Боги это место для нас создали, никому его не отдадим, – высказался Горан под одобрительный гул остальных. Здесь раньше бывали немногие. Они стояли прямо на стрелке, где Дунай и текущий с Альпийских гор Инн сливались в одну реку. Песчаный мыс, заросший густым лесом, острым клювом вдавался в реку, которая именно здесь и становилась великой, принимая воды с трех сторон. Слева виднелось устье Ильца, что нес из германских болот свои темные, почти черные воды.

– Ты главного не видишь, – терпеливо пояснил Само. – Тут река Инн, – он показал направо, – куда шире Дуная. А он тут узок, как нигде. Значит, что?

– Что? – по-дурацки открыв рот, спросил юный Збых, синяки которого уже начали переливаться всеми оттенками зеленого и желтого.

– Значит, наша это будет река, – ответил Само. – Мы весь путь из Баварии к аварам и словенам держать будем. Ни один корабль без нашего разрешения не пройдет. И еще торговую пошлину заплатит. А устье Дуная – во Фракии, в самой Империи. Мы и туда, если захотим, по реке дойти сможем.

Если молчание можно было бы резать ножом, то сейчас наступило самое время. Парни за последний месяц уже устали удивляться, но им, не мыслившим дальше пяточка земли вокруг родной деревни, услышанное тяжелой каменной плитой упало на голову.

– Я, пожалуй, присяду, – выразил общее мнение немолодой и рассудительный Лют. – Нехорошо мне. Что-то ты, владыка, больно прыткий. Как бы не порвался.

– А соль то где? – задал Горан животрепещущий вопрос.

– Там! – Самослав махнул вправо. – Неделя пути. Разгружаемся. Два десятка со мной остаются. Ты, Лют, завтра с утра на плотях за родовичами уходишь. Приводи всех, дулебы за своих мстить придут. А мы пока начнем под пашни лес валить, а из бревен дома к зиме построим. Тут нас никто не возьмет.

Месяц прошел в тяжких трудах. Само с товарищами работали от зари до зари, валя лес купленными в Ратисбоне топорами. Лето – не лучшее время рубить дерево для стройки, но деваться было некуда. Они поставят привычные полуземлянки, которые, как это ни странно, были вполне теплыми и уютными. Планы пришлось скорректировать, когда Горан, немногословный, по своему обычаю, заявил, что тут селиться нельзя. На вопрос вождя, который совершенно точно помнил, что здесь стоял город, коротко пояснил:

– Половодье.

И ведь точно. Пассау регулярно затапливался, а недавнее чудовищное наводнение, когда Инн и Дунай слились в один ревущий поток, и вовсе стоило жизни нескольким людям. Родовичи в землянках просто утонут. Они перебрались на правый берег Инна, а на стрелке Само решил поставить таможду, пристань, и сделать торг. Хаб, в привычном ему понимании. С гор повезут соль, из Баварии – железо и оружие, от словен – меха, мед и рабов, а от аваров – коней и добычу, взятую в имперских землях. И опять же, рабов. Уж в этом ремесле им равных не было. Мечты! Мечты!

– Идут! – радостно заорал Збых, острым глазом увидевший столб пыли на горизонте.

Это и впрямь оказались родовичи, которые шли неспешно, неся на себе припасы, немудреную утварь и малых детишек. Мычащее стадо в пять десятков коров вселило надежду на лучшую жизнь, как и десять пар волов, тянущих скрипучие телеги, заваленные мешками

с пшеницей, рожью и ячменем. Эти места были немислимой глушью, и вскоре мир славянский столкнется здесь с миром германцев, как это уже случилось севернее, у лужицких сербов, которые соседствовали с тюрингами. Раньше эти земли населяли лангобарды, но они ушли за Альпы, в благодатную Италию, север которой по сей день зовется их именем, Ломбардией. Полторы сотни семей пришли сюда, и теперь люди дивились ровному ряду, словно выстроенных по линейке, одинаковых хижин. Пока их было три десятка, но новые руки быстро поправят это упущение.

– Ты, что ли, владыка? – недоверчиво спросил заросший до глаз мужик с толстыми, как бревна, ручищами.

– Я, – ответил Самослав, глядя ему в глаза.

– Да ты малец еще! – сплюнул тот. – Не стану я такому владыке подчиняться.

Самослав поморщился. Он был готов к подобному разговору, он ждал его. Новое руководство все времена проверяют на вшивость. И ему этого было не избежать.

– Зовут как? – хлестко спросил его Само, который буквально плавился под взглядами родовичей, обступивших его кольцом, и беззастенчиво рассматривающих новоявленного вождя.

– Хотислав я, – весело заявил мужик. – И я владыка рода. То, что Лют с добрым копьем пришел и железным ножом, не значит ничего. Ты – сопляк, я тебе подчиняться не стану.

– А если я тебе рожу набью, станешь? – с любопытством спросил Само. – Давай, Хотислав, не трусь. Если ты меня побьешь, я отсюда уйду и ты главой останешься. Если я тебя – ты меня слушать будешь и не прекословить.

– Ты? Меня? – гулко захохотал Хотислав. – Да я тебя щелбаном убью.

– Ты не понял, – жестко осадил его Само. – Я тебя на божий суд вызываю. Если моя победа – я владыка. Если твоя – ты. Готов драться или зассал?

– Кто зассал? Я зассал? – Хотислав чуть не полез в драку тут же, но его остановили.

– Драться будем на закате. Ты и я, – заявил Самослав. – Без оружия. Жду.

И он развернулся и ушел, оставив немалую толпу новоявленных родственников в полном недоумении. Они как-то по-другому представляли себе нового вождя, хитроумным способом освободивших из рабства их отцов и мужей, и заработавшим неслыханное богатство за какой-то месяц. Впрочем, все интересное случится на закате, а пока родовичи стали разбирать поклажу, отправлять на выпас стадо коров и осматривать дома, удивляясь идеально ровной линии, по которой они стояли в три ряда. У них до этого такой потребности не возникало. Они и не догадывались, что вскоре этот поселок будет обнесен крепким осиновым тыном, бревна для которого уже были замочены в реке.

Скверное дерево осина, капризное. Каждое второе бревно гнилое, и каждое первое – с кривизной. Умаешься, пока наберешь нужное для стройки количество. Но как раз здесь осиновая роща была, которую и свели вчистую, готовя место под запашку. Дом из осины негодный, холодно в нем. Зато, если вымочить такое бревно в воде, то оно не горит почти, не гниет, и до того твердое становится, что топор отскакивает. А что еще нужно для того, чтобы острог поставить? А еще удивил всех молодой Владыка тем, что в своем доме диковинный очаг сложил, с трубой, проходящей крышу насквозь.

– Сгорит, – задумчиво сказал Лют.

– Зальет, – молвил Горан. – Хотя копоты в таком доме куда меньше будет. Посмотрим. Если он зиму в этом доме переживет, я себе такой же очаг сделаю. Если сажу по весне отскрепать не придется, меня жена в задницу поцелует.

– Зиму переживет? Ему бы сегодняшней бой пережить, – хмыкнул Лют. – Хотислав в плечах вдвое шире.

– Мешок жита ставлю, что Владыка победит, – протянул Горан. – Верю в него.

– Не стану я с тобой спорить, – хмуро ответил Лют. – Если Само проиграет, я с ним уйду.

Он мне оружие дал, я такую клятву рушить не буду.

– Не пойдем мы никуда, – ответил ему Горан. – Я как будто всю жизнь слепым был, а потом прозрел. Не хочу снова под Хотиславом ходить. Если победит он, вызову его на бой до смерти.

– А потом? – заинтересованно спросил Лют, который начал понимать, куда клонит его загадочный друг.

– А потом Самослава вызову и поддамся, – решительно ответил Горан. – Так что, будь уверен, брат, боги по любому на его стороне будут. Да только не придется мне этого делать. Победит он, вот увидишь.

На закате весь род высыпал на поляну у дуба, назначенного родовичами священным. Чудовищно толстое корявое дерево стояло тут не одну сотню лет, пока воды трех рек величаво несли свои воды мимо него. Зеленая листва шелестела на ветру, как бы говоря:

– Снова суетливые людишки, век которых так недолог, затеяли какую-то свару.

Дуб видел свирепых кельтов-батавов, идущих в бой одетыми лишь в золотые браслеты. Он видел гордых римлян, построивших тут город *Batava castra*, разрушенный позже германцами. Он видел саксов, алеманов и лангобардов, бредущих за лучшей жизнью в солнечную Италию. И вот теперь сюда пришли славяне. И они тоже не могут поделить власть, как будто солнцу и великому Дунаю не все равно, кто из них будет править другими.

Двое мужчин, голых по пояс, стояли напротив, и изучающе рассматривали друг друга. Худощавый жилистый парень лет шестнадцати, у которого вместо бороды на щеках пробивался редкий смешной пушок, и могучий мужик с окладистой бородой, руки которого были толще, чем ноги стоявшего перед ним мальчишки.

– Мои условия, – заявил парень. – Бьемся до тех пор, пока один из нас не ляжет на спину. Мы не должны убивать друг друга, род и так невелик.

– Не бойся мальчик, – насмешливо сплюнул Хотислав, – я не стану тебя убивать.

– Значит, ты принимаешь мои условия? – спросил его Само. – Говори, чтобы тебя слышали все.

– Принимаю, наглый щенок. Давай уже драться!

По сигналу самого старого из родовичей начался бой. Хотислав с ревом бросился вперед, расставив руки в стороны. Он хотел схватить наглеца и задушить в медвежьих объятиях. Но противник ему такого шанса не дал. Он явно не был дураком и представлял, что с ним будет, попади он в эти лапы. Неуловимым движением худощавый парень ушел с линии атаки и нанес неповоротливому бойцу хлесткий удар прямо в область печени. А пока тот хватал воздух ртом, с легкой ленцой пробил ногой в пах. С сирым стоном огромная туша упала сначала на колени, а потом завалилась на бок. Само перевернул ногой стонущего Хотислава на спину. Это была чистая победа. Родовичи ахнули, не веря своим глазам, и только хриплый бас Люта услышал каждый на этой поляне.

– Нет, ну я как знал, брат, что не стал с тобой спорить. А то бы пришлось мешок жита отдавать. Расходимся, люди, чего стали. Боги свою волю явили. Священный дуб тому свидетель.

И только Владыка с интересом смотрел на поверженную тушу и разминал кисть. То, что он говорил, никто из стоявших рядом не понял. Видно, он с богами разговаривал на их языке.

– Здоровый кабан, чуть запястье не сломал. Надо будет вспомнить молодость. Хорошо, что в Ратисбоне мне свинчатку отлили. Голыми руками я бы такого слона ни в жизнь бы не завалил.

1 Владыка (voldyka) – титул вождя у древних славян. Позже он был вытеснен титулом Князь (kopadza), заимствованным из германских языков. Впрочем, есть версия, что Князь – титул славянского происхождения, и означает «я-закон». Южные славяне использовали титулы Бан, Жупан.

Небольшой отряд из десятка крепких мужиков шел за Самославом по левому берегу реки Инн. Ни за неделю, ни за десять дней они до заветной цели не дошли. Все-таки здесь оказалась не лубочная Австрия с ровными ниточками автомагистралей, а самый, что ни на есть бор, в котором зловредная судьба забыла проложить дороги и поставить придорожные кафе. Все это так сильно отличалось от виденного в прошлой жизни, что Само даже начал сомневаться в своей правоте. Но нет, он шел верно, хоть и удивлялся бесчисленным стадам оленей, косуль и кабанов, что попадались им на пути. Тут много лет не было людей. Что им делать в недружелюбных предгорьях, когда еще столько земель пустует? Еды с собой взяли самую малость, и то по настоянию вождя, который с лесом был знаком исключительно в виде пиломатериалов. А вот мужики из его отряда, переглянувшись, ничего не сказали. Им, лесовикам, была в диковину такая запасливость. Ведь еды здесь столько, что и вовек не съесть. И рыба, и птица, и орехи, и дичь всех видов и размеров. К Зальцаху, который был здесь просто безымянной речкой, они вышли только дней через пять. Само уверенно повернул налево, и повел отряд вдоль берега. Он не боялся ошибиться, ведь в свое время бывший военный тщательно изучал карты, не доверяя новомодным навигаторам. Собственно, это был единственный крупный приток Инна, да и синева гор, показавшаяся на горизонте, тоже не давала сбиться с дороги. Они прошли чуть больше трети пути.

Остров, на котором через полторы тысячи лет будет стоять старая солеварня-музей, показался на тринадцатый день. Пятьсот шагов в длину и триста в ширину. Чтобы поставить лагерь – в самый раз. Здесь они и заночевали, чтобы утром подняться в гору.

Лют и Мстиша взяли на водопое оленя, и умопомрачительный запах жареного мяса разносился по лагерю. Самослав, который в топку растущего организма кидал недоступную ранее пищу, креп на глазах. Мясо, рыба, орехи и немного каши. На таком питании тощее мальчишеское тело перестало просвечивать ребрами, а понемногу начало обрастать жестким упругим мясом, сильным, словно у лесного зверя. Да и движения его перестали напоминать городского увальня, и он стал постигать нелегкую науку мягкого лесного шага, когда даже ветка не хрустнет под ногой. Утром, глядя на огонь, он сказал своим новым родовичам.

– Я вам клятву хочу дать, братья. Но и от вас тоже хочу клятву получить.

– Говори, владыка, – сказали спутники.

– Я слово даю, что если жив останусь, то у каждого из вас будет корова, свинья, франкский меч, железный шлем и щит.

– Серьезная клятва, – выразил общее мнение Лют, который был тут старшим. – Что от нас взамен хочешь?

– Что ни одной душе не проболтаетесь, где мы соль добывать станем. Даже бабе своей, даже после ведра хмельного меда, даже под пыткой.

– Мы-то можем поклясться, да только шила в мешке не утаишь, – хмыкнули парни. – Выследить нас несложно. Хороший лесовик по нашим следам дойдет.

– Я это и сам знаю, – поморщился Само. – Мне три года нужно. А еще лучше – пять. Если мы пять лет одни эту соль добывать будем, то потом нам никто не страшен будет. Даже каган Аварский, даже король Хлотарь.

– Клянемся, – кивнули мужики. – Ну, пошли, что ли.

– Пошли, – упруго вскочил на ноги Самослав. – Тут час пути в гору. Ищите пещеру и развалины домов рядом. Там раньше галлы соль добывали.

– А почему бросили? – удивленно спросили хорутане. – Это же соль!

– Римляне запретили, – пояснил Само. – Они морской солью торговали. Тут их городок стоял – Ювавум, а потом его германцы разрушили.

Пещера была километрах в трех от островка, и отряд робко вошел туда, запалив факелы и зажав в кулаке обереги, что висели на шеях. Мужикам было боязно. Неровный свет косыми бликами плясал на стенах, несущих следы ударов киркой, а кое-где своды пещеры искрились, словно покрытые инеем.

– Мы пришли, – сказал Самослав, аккуратно откалывая топором пласт соли, который с шумом упал наземь, разлетевшись на множество осколков. В этом месте камень стены был белым, и тускло сверкал в несмелом свете факелов.

– Да что б меня, – прошептал Горазд, но гулкое эхо разнесло его слова на много шагов. – А ведь я не верил. До самого конца не верил. Владыка, прости. Ты и, правда, богами отмечен. – А потом, когда прошло первое удивление, деловито добавил. – Корова, свинья, меч, щит и шлем, ты обещал! Я за такую награду не то, что не проболтаюсь, и вовсе рот себе зашью.

Ответом ему был довольный гул. Мужики были полностью согласны. Им только что показали путь к богатству, подкрепленной священной клятвой вождя. Тому осталась самая малость – не умереть на пути к этой самой цели. Ну, так они будут рядом, подсобят в меру сил. Ведь своя корова – это ого-го! А если еще свинья...

– Трое – рубить соль, трое – делать плоты, остальным – плести корзины. Нам, парни, уже домой пора.

Возвращение было триумфальным. Горан, который закончил с мужчинами племени строительство остальных домов, со счастливым ревом поднял Самослава наверх. Ему, с его бычьей силой, это было раз плюнуть. Остальные мужики, бабы, и даже дети изумленно ломали в руках грязновато-серые камни, и не верили своим глазам. Это же богатство немислимое. Они соль на мех меняли чуть ли не по весу, а тут ее три десятка больших корзин. Это же теперь они рыбы и мяса на всю зиму засолят, и еще на продажу останется. Это же теперь сытая жизнь наступает, о которой Лют рассказывал, когда их со старого места уводил.

Пять сотен душ, что и составляли теперь род Самослава, были похожи на пчелиный улей. Вождь ломал голову, но никак не мог вспомнить, что же ему это напоминает. Что-то очень важное, не менее важное, чем соль. Но круговерт праздника, в которой его замотали родовичи, вышибла все посторонние мысли из головы Само. Да и непривычно молодое тело мешало мыслить рационально, ведь то одна девка, то другая как бы невзначай задевала его тугой грудью. Мужние жены себе такого не позволяли, только глазами стреляли из-под ресниц, а вот девкам можно было. Они все одно на празднике летнего солнцеворота с парнями кувыркались. Да и как не кувыркаться, если сама Мать-сыра земля приношений требует. А что для нее лучшей жертвой может быть? То-то! Так что девки те девками были весьма условно и далеко не всегда. Молодой вождь реагировал на шутки молодух весьма бурно, от чего приходил в немалое смущение, но зато женский пол веселился от души, поглядывая на его оттопыренные штаны.

На закате племя собралось у священного дуба, и родовичи, которые виделись все вместе

далеко не каждый год, ощутили торжественность момента. Их жизнь только что перевернулась с ног на голову. Немалый по местным меркам род сел на добрую землю, где рядом было немыслимое сокровище, с которым можно было забыть о голоде. Юный владыка, который вводил в оторопь не по-юношески умным и пронзительным взглядом, сидел во главе импровизированного стола, который и столом-то не был. Так, на траве плотно расстелено, а на нем хлеб, репа, рыба и мясо. И, конечно же, долбленные бочонки с хмельным медом. Его уже налили в чаши, вырезанные из клена, и теперь выжидательно смотрели на Само. Владыка поднялся и сказал:

– Первую чашу я хочу поднять за богов, что привели нас сюда, и подарили эту землю. Наша она теперь, здесь вовеки наши дети и внуки жить будут. И не пойдут наши юноши в походы, где сложат головы ни за что. Все тут останутся, все родят своих детей, и тем наш род крепнуть будет.

Собрание озадаченно промолчало. Странные речи вел молодой вождь. Не бывало такого, чтобы хорутане на одном месте сидели. Лес свели, сожгли, три урожая собрали, и пора новое место искать. Здесь, все соки из земли выпив, только через двадцать лет доброе зерно взойдет. Ведь Матери-земле отдых нужен от словенской сохи. Но никто ничего не сказал. Они уже ничему не удивлялись, просто верили этому парню с горящим взглядом. Все выпили и закусили, после чего неугомонный глава встал и снова всех удивил:

– Вторую чашу я хочу поднять за Хотислава, который столько лет род берег и управлял им мудро. Позволь, почтенный Хотислав, за твои труды поднести тебе дар.

И Само на глазах изумленной публики поднял лежащие рядом сакс и франкское копье. Оружия они взяли с небольшим запасом. Хотислав, который все эти дни ходил как побитая собака, растерянно поднялся на ноги. Это злая шутка? Разве так ведут себя с побежденным? Но нет, новый владыка был абсолютно серьезен и держал в руках копье и тесак, которые протягивал ему. Хотислав погладил окладистую бороду, а сотни глаз пристально смотрели на него, не мигая.

– Я принимаю оружие из твоих рук, владыка, – сказал он после недолгого раздумья. – Не жди от меня плохого. Я в спину не ударю. И позволь мне здравицу сказать. Я хочу третью чашу за тебя поднять. За того, кто наших братьев из плена спас! За того, кто моему роду сытую жизнь подарил. За владыку Самослава!

Вся поляна разразилась приветственными криками. В глазах своих подданных, которые еще не знали, что они подданные, Само читал уважение, восторг, обожание. И сейчас уже не имело значения то, что на вид ему было шестнадцать лет. Тут люди выросли быстро. Короли франков начинали править в пятнадцать. Великому Хлодвигу, когда он Галлию завоевал, едва двадцать лет исполнилось. А ведь до этого он мелких франкских вождей к покорности привел. Новый владыка рода был отмечен богами, а значит, власть получил по праву. Теперь это не вызывало сомнений ни у кого. А застолье только набирало обороты. Запасы хмельного были невелики, а потому никто никуда не спешил. Три чаши забродившего меда с ягодами, били по непривычным мозгам довольно сильно. Само, видя, что веселье нарастает, незаметно ретировался. Он безумно устал за последнее время.

Впрочем, поспать ему не удалось. Раздался шорох, и гибкое женское тело ввинтилось к нему под бок, а горячий поцелуй прервал все вопросы. Кто это был, он так и не понял. Он ведь даже еще толком не был знаком с личным составом вверенного ему подразделения. Даже мужиков запомнил едва половину, а баб не знал вовсе.

– Кто ты? – спросил он, когда лежал, обессиленный, в полнейшей темноте. – Я ведь

даже лица твоего не вижу.

– А к чему тебе мое лицо? – промурлыкала женщина, прижавшись к нему жарким телом. Горячая рука шарилась по его животу, забираясь все ниже и ниже. – Мой муж спит пьяный, а я от тебя понесу. Ни к чему тебе знать, кто я такая. Сына мне подаришь, что тоже будет богами замечен.

Такая практичность даже немного покорила Самослава, но женская ручка, которая не останавливалась ни на минуту, уводила в сторону все серьезные мысли. В голове оставались только несерьезные. И тогда он решил, что нельзя отказывать в просьбе, высказанной в столь убедительной форме.

Утром он бессовестно проспал почти до полудня. Загадочная незнакомка решила закрепить достигнутый успех, и ему пришлось пойти на третий круг. Все-таки, в том, чтобы быть молодым, оказалось немало плюсов. Его статус пока был незыблем, а потому он решил побездельничать подольше. В голове роились мысли, которые он копил не одну неделю, но в круговерти событий обдумать их тщательно все никак не получалось.

Вопрос первый, и наиглавнейший! Еда. Это был какой-то лютый мрак. Капуста, морковь, свекла, лук, чеснок, картошка, помидоры, огурцы, петрушка, укроп, яблоки – ничего этого здесь нет и в помине. Картошку и помидоры привезут позже, а вот все остальное в Средиземноморье совершенно точно выращивают. Но в эти места вся эта роскошь еще не добралась. Тут знали ячмень, овес, рожь и просо. Выращивали кур, которые были размером с кулак, и уток, что оказались гораздо меньше, чем привык видеть в прошлой жизни Николай Семенович. Свиньи тоже были невеликих размеров, и их пасли, как коров. Тех было мало, удои у них оказались очень скудными, а стоила «корова добрая с целыми рогами» в той же Бургундии аж три солида. Волы тоже были ценностью необыкновенной, а лошадей у рода не было совсем. Теперь о хорошем. Дичи вокруг полно, на пару лет хватит точно. Кабан, косуля, лось, зубр и даже исчезнувшие в наше время туры и тарпаны. Все это великолепие ходило стадами по окрестным лесам почти непуганое. Рыба здесь была такая, какой в прошлой жизни Николаю Семеновичу видеть не приходилось. Сом длиной в метр здесь ловился на тухлятину и особого любопытства не вызывал, как и аналогичного размера осетры, икру которых родовичи не солили. Нечем было до этого дня. Ну, ничего, он это исправит!

Подсечным земледелием славяне занимались не оттого, что были недалекоими дикарями, а потому что урожайность на месте сведенного столетнего леса была просто невероятной. До семидесяти зерен урожая на одно посеянное зерно, что для обычной запашки было результатом недостижимым. Гораздо более продвинутое трехполье давало урожай существенно ниже, но зато было куда менее трудоемким. К нему перешли тогда, когда свободная земля закончилась. Впрочем, Само решил, что с этого места он уходить не станет, а значит, менять подход к производству зерна придется. А что нужно для повышения урожайности? Правильно! Навоз! А где его взять? Коровы и лошади нужны, а их не так много. Что будем делать? Компост будем делать! Благо старый опытный садовод знал толк в утилизации травы и веток на участке. Решено! Начнут закладывать компостные кучи. Пусть преет травка и ветки. Через пару лет отличное удобрение получится. Нужно будет посевной материал в Бургундии заказать. Без лука и чеснока совсем тоска. Уф-ф! Один вопрос вроде обдумал!

Теперь второе. Безопасность. Как только слух о странных словенах, торгующих солью,

по окрестным землям пойдет, сразу потянутся любопытные. А потом с визитом нагрянут люди баварского герцога, как это случится и в нашей реальности лет через шестьдесят. Живущих здесь хорутан загнали в Альпы или превратили в монастырских арендаторов. Позже они хорутанами быть перестали, а стали добропорядочными австрийцами. И даже словенский Градец превратился в австрийский Грац. Армия нужна! Пусть небольшая, но крепкая дружина мечей на двести, в хорошем доспехе, со щитами и в шлемах. Лучники нужны, ведь из хорутан стрелки – как из дерьма пуля. Луки слабые, ими только белок бить, да оленя из засады срежем в бок. Это авары с луком рождаются, а словенский парень дротики учится бросать с раннего детства. У франков и римлян дротик-ангон – тоже главное оружие. Все битвы с него начинаются. Бывало так, что после нескольких залпов от бездоспешного врага половина остается. А при таких потерях любое войско разбежится. Отсюда логично вытекает третий вопрос.

Деньги! Где их взять, чтобы осуществить такое громадьё планов? Самослав стал считать. Щит и копье – солид. Шлем – три солида. Кольчуга или чешуйчатый панцирь – семь солидов, меч – семь солидов. Плюс нужен воинский пояс, топор, всякие мелочи для похода – плащ, сума, обувь... Двадцать золотых на человека, как ни крути. Если на всю дружину брать – четыре тысячи! Мама! Тысяча триста пятьдесят коров! Почти тысяча крепких рабов, которых еще продать нужно! Да все огромное и сильное племя саксов королям Меровингам в виде дани пятьсот коров платит, и из-за этой непосильной ноши восстает непрерывно. Невозможно! Только у королей и герцогов есть такие деньжищи. Мозг новоявленного вождя работал на полную мощь. Надо снижать планку. На первом этапе – щит, копье, кожаная куртка, шапка, топор. Можно в три солида на человека уложиться, а эта сумма уже куда более реальной кажется. Хотя... целая корова на одного воина!

А ведь был еще один важный вопрос, который крутится у Самослава в голове, но ускользал от него солнечным зайчиком. Да что же он упускает? Ведь только вчера он почти поймал эту мысль за хвост, да снова упустил. Суета эта вчерашняя. Не деревня, а пчелиный рой. Ну, точно!

Самослав вскочил, словно подброшенный пружиной. Мед! Пчелы! Ведь и его отец когда-то бортничал, нещадно разоряя ульи. Хищнический промысел убивал пчелиную семью, а потому за медом приходилось забираться все дальше и дальше с каждым разом. Он же водил пчел! Он же знает, как это делать. Хотя... А как это делать? Где взять вошину? Не разрушать же ульи, убивая пчелиную семью, как в древности. Таким варварством Само заниматься не хотел. Как подкормить пчелок зимой? Как защитить пасеку от медведей, которых тут немало? Как вывозить ульи к цветущей липе или акации? Как древние египтяне, которые сплавливали свои ульи по Нилу? Пока вопросов было больше, чем ответов. Но надо начать. Опыт, он сын ошибок трудных. Пробовать нужно.

И он вышел из своего дома, ловя удивленные взгляды односельчан. Ведь солнышко давно миновало полдень. Негоже бездельничать, когда добрые люди уже трудятся вовсю. Владыка ты там или не владыка!

– Подходи, честной народ, налетай! – невысокий и шуплый Збых оказался прирожденным зазывалой, и в каждой деревушке, прижавшейся к речным берегам, устраивал небольшое представление перед местной публикой. – Кто соль покупает, тот сытый бывает! Жизнь без соли – пуще неволи! Торопись, не ленись! Соль не баба, ждать не будет!

Неизбалованные селяне, к которым приплыл караван на трех лодках-однодеревках, валили валом, чтобы послушать немудреные шутки (тут других не знали), свежие сплетни (годовой давности), да и чтобы просто поглазеть на пришлых людей. Два десятка родовичей шли по правым притокам великой реки, берега которых были густо покрыты небольшими словенскими селищами и хуторами. Вначале сильный отряд, который высаживался на берег, вызывал легкую панику, но вскоре выяснялось, что это свои, хорутане, и начинался торг. Необычный караван привез соль, много соли, и цена за нее была вполне божеская, чуть не в половину меньше, чем годом ранее брали. А потому на торг тащили мех, мед и зерно. Вскоре от зерна пришлось отказаться, слишком малы оказались лодки. Брали его больше для того, чтобы есть в дороге. А вот мех и мед много места не занимали, а были в тех местах главной валютой. Да и в местах более цивилизованных – тоже. Сокровищницы королей не только золото и серебро содержали, но и меха с тканями. Та же Брунгильда покойная свою личную казну на пятидесяти телегах перевозила. Надо понимать, что там золота дай бог один сундук был, а остальное – посуда, ковры, одежда, и даже мебель.

– Это шкурка летняя, в полцены возьму! – слышалось Самославу, который смешался с толпой, и больше изучал людей, с которыми его свела судьба, чем торговал. Тем более, что у него в коллективе был торговец с явно выраженным талантом.

– Эта куница вытертая совсем, другую неси! – бойко спорил парень с бородатым мужичком, который неохотно вытащил из сумы другую шкурку. Поменять явно заваливающую рухлядь не удалось, и клиент остался недоволен. Впрочем, клиентоориентированность еще не достигла современных высот, а потому на это всем было наплевать. Самослав, сам того не зная, совершил революцию в местной торговле, и ее последствия еще предстояло просчитать. Он попросил вырезать деревянные формы со сложным рисунком, куда заливал густой соляной раствор, в котором был ровно один римский фунт соли. Гирьки и весы он привез с собой из Баварии. Он когда-то читал, что и римским легионерам, и допетровским стрельцам выдавали жалованье солью. А китайцы и вовсе делали из нее монеты и использовали как деньги. В словенских лесах золото было без надобности, зато соль нужна всегда. И он давал два фунта соли за одну хорошую шкурку выдры, белки или куницы. Соболь шел втрое дороже. В этих местах он еще водился, но хищный промысел заставлял уходить зверька все дальше на восток. Новые деньги пошли на ура. Еще бы! Золото нужно к германцам тащить, чтобы купить на него что-нибудь нужное. А солью можно с соседом расплатиться, или самому употребить. Разве римский солид можно съесть? Нельзя! А вот новые деньги очень даже можно.

Так они объехали десяток хорутанских селений, и, расторговавшись, повернули лодки назад. Соваться к дулебам они не рисковали, как не рисковали плыть ниже по реке, где можно было нарваться на аварский разъезд, и тогда пиши пропало. Им нужно было идти в Ратисбону, чтобы мех поменять на оружие и инструменты. По расчетам Само наценка должна была составить примерно двести процентов. И это без учета того, что соль им

досталась совершенно бесплатно. Купцы, которые скупали мех для продажи в Бургундии, делали еще процентов четыреста, и это заставило Самослава сильно задуматься.

– Крем Марго кушать будем, батистовые портянки носить, – пробормотал владыка неведомую никому, кроме него, молитву.

Горан в это время должен был с тремя парнями рубить соль в пещере и на плотах доставить в поселок. Тридцать корзин – на три-четыре дня работы. Итого весь путь – месяц. В поселке соль должны были переработать в слитки, а на промысел немедленно уходила следующая партия добытчиков. Остальные мужики спешно ставили частокол, ловили рыбу, которая шла в засолку и корчевали пни на будущих полях. Молодой владыка и тут удивил их, велел сеять в конце лета, чтобы рожь успела до холодов взойти. Хотя и чудно это было, да никто прекословить не стал. Просто приняли свою новую судьбу, что повернулась лицом к их роду.

Назад шли на веслах, и Лют, что сидел на скамье рядом, спросил негромко:

– Скажи мне, Самослав, а почему мы сразу в Ратисбону соль не повезли? Так же проще намного.

– А много ты словен знаешь, кто солью торгует? – спокойно ответил ему Само. – Мех и мед никому не интересны, мы же в лесу живем. А вот соль сразу подозрение вызовет. Выследят нас, а потом сильный отряд пришлют, который разорит все. А на земли наши баварский герцог своего графа пришлет. А за графом епископ подтянется, и придется нам уходить, если захотим и дальше вольными людьми быть. А если решим на своей земле остаться, то податями так обложат, что не вздохнешь.

– Дело говоришь, – сказал, подумав, Лют. Он был довольно медлителен, но неглуп и осторожен, в отличие от побратима Горана, которого хлебом не корми, дай подраться. На этом вопросы закончились, и лесную тишину нарушал лишь скрип деревянных уключин и трели птиц в ветвях вековых деревьев. Глухой лес, который рос по обоим берегам реки, казался бесконечным. То и дело на водопой выходили лоси и туры, которые подозрительно смотрели на лодки, что плыли мимо, и неохотно уходили в чащу, если те подплывали уж очень близко.

– Я в Ратисбону с Гораном пойду, – сказал, подумав, Самослав. – А ты и Збых берите все телеги, какие есть, и зерна побольше купите. Хотя всю оставшуюся соль для этого забирайте. Мы должны успеть до холодов еще одну ходку в горы сделать. А Хотислава поставим старшим, пусть частокол ладят. Времени мало, зима скоро. Зимой к нам по льду прийти могут, а без частокола нас голыми руками возьмут.

Лют нехотя признал правоту молодого парня. Германцы были совсем близко. Иногда и не понять, кто хуже, они или авары. Только авары пограбят и уйдут, а германцы каждые десять – двадцать лет пытаются новый шаг сделать в сторону словенских земель. А словене им навстречу шаг делали. Скоро столкнуться придется, как на севере, где лужицкие сербы уже королям франков кланяются. Там словене слабее германцев оказались.

– Ты какой-то странный венд, – почесал бороду почтенный купец Райхарт. Он пытался вести дела, как обычно, обвесив и обсчитав тупоумную деревенщину, но сегодня у него это никак не получалось. Худощавый парень в козлиной безрукавке на голое тело считал в уме быстрее, чем счетовод его милости герцога на своих костяшках.

Райхарт торговал оружием, и чудной венд почему-то не захотел платить вдвое, и потребовал дать хорошую цену. Венд и хорошая цена! Вот ведь диво! Да эти венды

и не люди вовсе, просто полудикие лесовики. Русый жилистый парнишка торговался, как сирийский меняла, а двое мускулистых громил с тесаками на поясе стояли рядом и не производили впечатления шутников. Наметанный взгляд купца заметил еще троих, с хорошими копьями, что стояли шагах в тридцати, и зорко поглядывали по сторонам, словно в дозоре. А ведь и, впрямь, не дурак, удивленно подумал Райхарт. Тут город торговый, но и ограбить могут запросто. Лихих людишек на границе всегда хватало.

– Если не дашь лучшую цену, то я пойду к почтенному Хенрику, – спокойным голосом оборвал венд неспешные мысли купца.

– А чем не устраивает тебя моя цена? – сделал купец последнюю попытку. Впрочем, он уже проиграл, и знал это. – Хенрик торгует полным барахлом, это все знают. – А парень усмехнулся, и ответил:

– Уважаемый Хенрик – достойный человек, не клевети на него. Копье и щит стоят один золотой. Это честная цена за честный товар. Я готов заплатить тебе тремисс за каждое копьё... – Увидев, как наливаясь кровью лицо купца, он спешно добавил. – Я плачу мехом, и ты заработаешь на нем вдвое. Я знаю цены, почтенный Райхарт. Ты же не хочешь, чтобы я дождался купцов из Шалона и Санса? Тогда я продам свой товар им, а потом заплачу тебе твой солид. Так и быть. И где ты заработаешь больше?

– Хм-м... – задумался Райхарт. – Я тебе уже говорил, что ты какой-то странный венд? Говорил? Ну, ладно, – и он снова погрузился в размышления. – Сколько копий тебе нужно?

– Полсотни, – решительно сказал парень.

– Серьезно, – задумался купец. – У меня столько нет. Да и на всем рынке столько не найти. Ждать надо.

– Ждать не могу, – поморщился венд. – Секир тогда возьму два десятка.

– Тридцать копий найду, секиры тоже есть, – ответил ему Райхарт. – Есть еще три аварских лука. Возьмешь? Пять соболей за каждый. У нас они без надобности, почти бесплатно отдаю.

– Четыре, – быстро ответил Само.

– Два кочана стрел добавлю. Пять! – отчаянно торговался Райхарт.

– Три полных колчана, и каждую стрелу проверю. Наконечники – железные, не кость! Кость у меня дома бесплатно табунами бегают.

– Забирай! Но за наконечники два соболя сверху, или проваливай! – сплюнул купец. – Вот ведь живоглот. Из-под какого пня ты вылез, парень? Я тебя раньше не видел.

– Видел, почтенный Райхарт, – невесело усмехнулся Само. – И не раз видел. Готовь товар, я приду весной. У меня будет много хороших зимних шкур.

– Что нужно? – деловито спросил купец.

– Наковальня, молоты, клещи, пилы и сверла. Железо в слитках возьму. Лошадок десяток, коров столько же и быков три упряжки.

– Да кто ты такой? – изумился купец. – У меня и денег не будет, чтобы такую прорву товара собрать. Хотя... если с братом поговорить, да с соседом сложиться. Когда придешь?

– Как земля просохнет, жди, – уверенно сказал Само. – Мех и мед привезу.

– Ну-ну, – недоверчиво протянул почтенный Райхарт. Но куча первоклассного меха, что лежала перед ним, настраивала на серьезный лад. Парень явно знал, что говорит, и только что купец совершил самую крупную сделку в своей жизни.

– Три колчана стрел, уважаемый Райхарт, – напомнил ему этот странный парень. – Аварский колчан – тридцать стрел. Я их пересчитаю лично.

– Да что б тебе пусто было, – сплюнул Райхарт. – Послевкусие отличной сделки было испорчено безвозвратно. Он прекрасно знал, сколько стрел держат авары в колчане, но откуда это знал странный венд? Ответ на этот вопрос так и остался загадкой.

Месяц листопад украсил желтой листвой окружающий лес. Холодно стало ночами, и босым ногам по утрам зябко было на притоптанном земляном полу. Теплые грибные дожди сменились мелкими, холодными, а на вырубках и полянах полезли плотные тугие опята в зимней одежке, что куда вкуснее, чем их летние собратья. Стылые ветры подернули рябью гладь реки, несущую воды куда-то далеко, аж в самую Империю. Огромные стога сена, собранные для внезапно увеличившегося поголовья скотины, стояли под наспех сколоченными навесами. Из последнего похода владыка привел десять коров и две пары невысоких лошадок, которые вызвали восторг малышни. Родовичи пока не знали, зачем им под зиму жеребчик и три кобылы, холода же идут. Тяжко прокормить будет. Ведь ежели зима затянется, то придется обессиленную животину под брюхо подвешивать, иначе она и на ногах не устоит. Но молодой вождь как будто страха не ведал. Род на зиму такие запасы сделал, что хоть до следующей зимы в остроге сиди безвылазно. Рыбы насолили как никогда, зерна прорву навезли, и все это богатство крепким тыном окружили, в две сажени высотой, да с воротами. А на воротах тех – железные петли из самой Ратисбоны. Даже головы закружились у селян от такого богатства. Молодухи, что чуть не каждую зиму то своего ребенка хоронили, то соседского, приободрились. Может, на этот раз боги смилостивятся? А одна из них особенно довольной была, ей как раз после зимы рожать предстояло. Ничего личного, все для семьи!

Владыка клиньями раскалывал бревна, выбирая те, где сучьев нет. Продольный распил тут еще не знали, а потому из бревна получали одну, а если повезет, две доски. Но, зато колотые доски, в отличие от пиленых куда прочнее были, и гнили почти не поддавались. В этот раз он снова удивил родовичей, когда выстругал тонкие тесины, которые выскоблил ножом почти до блеска, а концы их в кипятке подержал и согнул дугой. Он потом эти доски к телеге приладил. Хорутане сани знали, но они больше напоминали волокуши, и такими удобными точно не были.

– Куда на них поедем, владыка? – спросил Лют, довольно щуря глаза. Он уже знал ответ, но вдруг?

– Как лед станет, поедем соль рубить, а потом за мехом к соседям. Нам до весны нужно ой как много успеть, – пояснил Само. – Вот ты со Збыхом и поедешь. А, пойдём ка посмотрим, что там наши лучники делают?

За тыном Само оборудовал стрельбище, где молодые парни били по мишеням из камыша и соломы. Луки были тут у каждого, и парни должны были делать по сотне выстрелов. Луки, купленные в Ратисбоне и новые стрелы с железным наконечником владыка берег для плохих времен, а потому каждый приходил с собственным инвентарем. Остальные парни, свободные от работы, метали в свои мишени дротики с костяными наконечниками. Сотня бросков в день, и за этим во все глаза следил Горан, не дававший спуску никому.

– До уха тяни, – скомандовал Самослав, увидев тщетные попытки Збыха натянуть лук. Парнишка был шупловат, а у лучников спина и руки работали совсем не так, как у обычных людей. Даже позвоночник искривлялся от той чудовищной нагрузки, что давала сила натяжения. Каждый выстрел – как мешок с зерном поднять, не шутки. Владыка тренировался ежедневно, пользуясь своим положением, и уже позабыл те дни, когда был от боли

в исхлестанных тетивой руках. Вспомнил, что нужно кожаный наруч надевать, да поздно было. До крови руки сбил с непривычки.

– Тугой, зараза, – расстроено сказал Збых, шмыгая носом, напоминающим отсутствующую здесь картошку. – Ну, ничего, буду дальше стрелять.

– Слышь, владыка, – услышал он тягучий голос, отдающий ленцой и злобой. Это был Стах, главный заводила и источник негатива и сплетен в селище. – А чего это мы тут корячимся? Еда есть, соль есть, мы и так за стенами отсидимся. Мы рабы твои? Ты в нашем племени пришлый, не много ли власти забрал?

– Ты будешь делать то, что я скажу. И столько, сколько я скажу, – с едва сдерживаемой злобой ответил Само. – Не хочешь – уходи, тебе путь чист.

– И уйду! – злобно ответил Стах, брызгая слюной во все стороны. – В другой род уйду. Свекор примет. И другие тоже уйдут, тут твои порядки многим не по нраву, сопляк!

Стах развернулся и пошел в свой дом, собирать пожитки. Он был вдовцом, его дети выросли и свои семьи имели. Стах был склочником и скандалистом, но сказанное им отрезвило Само, который, как любой руководитель, считал, что все вокруг его любят, а авторитет незыблем. Как же так, растерянно думал Само. Я для них в лепешку расшибаюсь, а они недовольны. Да нищий род из лесного захолустья забыл, что такое голод, оружие получил, топоры железные. В остроге они любое нападение пересидят. В этих краях науку взятия крепостей прочно забыли, только у имперцев осадные машины были. Здесь в основном осадой города брали, или предательством.

– Горан, скажи, – спросил он, когда все разошлись. – Многие новыми порядками недовольны?

– Да есть, – нехотя ответил Горан. – Мы их в узде держим, но три десятка точно наберется. И мужики, и бабы. Главный у них – Хотислав. Он вроде бы как за тебя, но каждого, кто к нему жаловаться приходит, жалеет и говорит, что при нем такого точно не было бы.

– Да что не так то? – не сдержался Само. – Еды полно, оружие, инструменты. Что им еще надо?

– Страшно им, – просто сказал Горан. – Тебя боятся, новых дел боятся. Люди хотят по старине жить, как деды жили. А как ты появился, жизнь так быстро побежала, что многие и не успевают за ней. Они просто всегда жили, а ты непрост, не понимают они тебя. Словно и не человек ты вовсе. Не может молодой парень, да еще бывший раб, столько всего знать и уметь. Словно ты бог какой, который в обличье человеческого спрятался. Я и сам иногда думаю, кто ты такой, владыка?

И могучий, битый жизнью, людьми и зверем мужик пристально посмотрел на своего вождя. Само выдержал его взгляд, и спокойно ответил:

– Я – Самослав. И никто больше. А тем, что мне боги дали, я щедро с вами делюсь. Разве я на серебре ем? Или в праздности время провожу. Да я работаю больше всех вас.

– И это тоже людей смущает, – признался Горан. – Не разумеют они твоих дел, а потому страшно им. Раньше куда спокойнее было. Кошка родит – вот тебе и новость. А с тобой новости каждый день. Ты бы сбавил ход, владыка, а? Ведь не дай боги, какое несчастье случится, тебя же первого обвинят. Скажут, что разгневал Сварожича своими делами многоумными.

– Да не могу я, – поморщился Само. – Если сбавлю, нас соседи сомнут. Мы же богатые, но слабые. Нам врага ждать не позже следующей зимы. А может, и летом нагрянут. Чай,

дулебы не забыли, кто их родню в рабство отдал. Мстить еще придут. И бавары не дураки, они считать хорошо умеют. Еще пару раз на торг придем, и жди германского набега. После этой зимы будем в лесах стражу выставять, иначе и стены не помогут. Людей у нас слишком мало.

– Мало? – выпучил глаза Горан. – Да у нас самое большое городище на месяц пути! Я просто дальше не ходил. Зачем тебе столько людей в одном месте?

– Мало! – с нажимом ответил Само. – Когда баварцы придут, поймешь, зачем. Полтысячи мужей нужно. Тогда отобьемся.

– Полтысячи, – задумался Горан. – Три-четыре рода нужно привести сюда. Но, ты знаешь, это мы сможем. Если сильными и богатыми станем, то другие хорутане под нашу защиту попросятся. И вот еще что... Стах завтра на рассвете уйдет. Разболтает ведь всё. Что делать будем?

– Он беду приведет к нам, – жестко ответил владыка. – Пойдешь за ним и убьешь. С его тела не бери ничего, пусть хоть кошель с золотом у него с собой будет. Спрячь получше и никому ни слова.

Вместо ответа Горан молча склонил голову.

Зима тридцать шестого года царствования короля Хлотаря выдалась суровой и длинной. Эти годы вообще были на редкость тяжелыми, и грамотные римляне с тоской читали о старинных временах, когда виноград вызревал даже в стране пиктов, в Южной Шотландии. Вообще, год 620-й в привычном нам исчислении не был славен ничем. Аварский каган привычно покусывал Империю набегами, и базилевс Ираклий продолжил свою бесконечную войну с персами, опустошая Ближний Восток. В королевстве франков тоже все было спокойно, а непрерывная грызня на границе с вендами была какой-то ленивой. Год был настолько скучным, что даже кончина короля Идваллона ап Лливарха, правившего одним из микроскопических королевств, существовавших тогда в Уэльсе, попала в анналы.

А вот родовичи, зимовавшие в крепости, заваленной припасами и дровами, не скучали. Беспокойный владыка погнал их рубить лес, чтобы расчистить новые поля и подготовить материал для строений, которые называл диковинным словом «донжон». Наверное, и это ему боги нашептали. Владыка был набожен, и его часто видели у священного дуба. Туда он уходил, чтобы поговорить с самим Сварожичем, который дарил ему новые мысли. Людям было невдомек, что там он просто отдыхал от них и их бесконечных склок, жалоб и проблем. Такова жизнь главы рода. Горячая бабенка, что согрела однажды его постель, похвалилась своим счастьем подружке, и то одна, то другая молодуха, пользуясь отсутствием мужа, пробиралась к нему под бок. Это могло закончиться плохо, супружеские измены здесь карались жестко, а потому Само пресек эти визиты от греха подальше. Молодое тело требовало бабу, и это делало его жизнь не слишком приятной. Оторваться получалось лишь в торговых экспедициях, где за туесок соли вдовушки скрашивали его одиночество. Само работал, как каторжный, незаметно для себя раздаваясь в плечах. Уж чего, а еды у него было в достатке, да и отцовская кровь сказывалась. Берислав был могучим воином. Само уже и коптильню соорудил, где на ольховой щепе приготовил небольшого осетра. Соседи оценили.

Торговый поезд из четырех саней, запряженных купленными в Баварии лошаdkами, сделал зимой две ходки за солью и назад. Крепкий лед, намертво сковавший реки, оказался отличной дорогой, и ближе к концу месяца лютого (он же февраль) Само наметил большой поход за мехом в хорутанские деревни. С собой он взял два десятка родовичей с копьями и топорами, ведь дулебы могли напасть на обратном пути, благо лед был им в помощь. Они ушли на две недели пути, бойко торгуя солью. Дальше идти побоялись, ведь там уже начинались земли мораван, где зимовали авары. Свирепые всадники не боялись морозов. Они пришли из монгольской степи, и их маленькие лохматые лошадки преспокойно гребли снег нековаными копытами. Были у народа авар и высокие кони, которые легко несли тяжелого всадника и собственную броню. Стоил такой конь дорого, а вооружение всадника и вовсе невысказуемо. Но у великого кагана таких воинов около тысячи было, и они любую пехоту втапывали в землю, даже не заметив. Противостоять им могли только имперские катафрактары, что не уступали аварам ни по вооружению, ни по выучке. В словенских деревнях авары словно короли жили, беря себе в наложницы жен и дочерей словаков, дулебов и хорутан, что жили восточнее. А те славяне, которым не повезло на землях Паннонии и Дакии жить, и вовсе рабами стали. Горше смерти была их участь. Авары дулебских баб в телеги запрягали и ездили. Видимо, с развлечениями у них совсем

туго было.

Само знакомился с вожжами, дарил подарки (соль, что же еще), принимал подарки, пил с ними мед и толкал речи, что вместе они сила, и только все роды, собранные в кулак, смогут противостоять проклятым дулебам. Владыки родов, что по большей части были убеленными сединами мужами, слушали юнца с легкой насмешкой. Ишь, молоко на губах не обсохло, а жизни их учить вздумал. Они не понимали главного. Само рассказывал это не для них. Его слова заронили сомнения в головы молодых и горячих, кто с завистью смотрел на сытых гостей, каждый из которых нес хороший тесак и копье из германских земель. Так что занудное старичье посмеивалось над молодым чудаком, но то один, то другой парень подходили и, как бы невзначай интересовались, как найти богатое село, и принимают ли изгоев. Ничего плохого в этом слове не было, так называли всех, кто уходил из своей общины. Само говорил с каждым. Кое-кого звал к себе, кому-то отказывал, но по весне несколько десятков здоровых молодых парней, семейных и холостых, готовы были прийти в нему в острог, названный Новгородом. А что не так? Город? Город! Новый? Новее не бывает. Название понемногу прижилось, а монеты из соли стали бойко менять хозяев, заменяя деньги в глухих придунайских лесах. Слух побежал по словенским землям о богатых новгородских купцах и их владыке, странном молодом парне с острыми, словно ножи, глазами. Крутили люди в руках круглые слитки из драгоценной соли и задавались вопросом, а что это за люди такие? И где они эту самую соль берут? И не всегда этот интерес был благожелательным. Скорее, наоборот, за ним следовала зависть, злоба и алчность. Богатых выскочек никто не любит, все стремятся их на место поставить. И покатила от одного владыки до другого весть, а не пойти ли пощупать богатеньких соседей, пока лед не растаял. Их и по следам легко найти. Очень необычные следы их телеги оставляют. Пусть поделится своим богатством с родичами, чай, не чужие. Да и мехами они за зиму затарились знатно. Их тоже не мешало бы поделить по справедливости. Так что Само сильно ошибся. Беда к нему пришла вовсе не от дулебов или германцев, а от своих же родичей, хорутан. И лета они тоже ждать не стали, а заявили почти сразу же, как груженный поезд пришел домой. Только то и спасло родовичей, что по настоянию своего владыки начали они торг с дальнего конца, иначе приняли бы их уже на обратном пути.

– Ты это, паря, открывай! – сказал владыка Берич, род которого жил в двух днях пути. – Поговорим!

– Ну, говори! – ответил ему со стены Само, благодаря про себя всех известных ему богов. Они спаслись чудом. Три сотни мужиков с копьями вытянулись в черную змею, которая на фоне слепяще-белого снега резанула по глазам какой-то бабе, что пошла на реку по воду. Она с ревом взлетающего истребителя побежала в городище, бросив у проруби свои ведра. Загнать в ворота успели почти всех, а тех, кто опоздал, втянули потом веревками. К лесорубам и в ближние села послали гонца, и они ушли в чащу, где и затаились. Налетчики столпились у ворот, имея представление о взятии даже такой крепости где-то на уровне нуля по Кельвину. Тем более, зимой, когда пригорок, на котором стоял частокол, был полит водой и завлекательно сверкал на солнышке, отполированный детскими задницами до сияющего блеска. Еще час назад ребяташки всех возрастов с хохотом катались с него, используя оборонительное сооружение не по назначению.

– Ты трус, да? – сделал неубедительную попытку Берич. – Выходи, потолкуем.

– Да не о чем мне с тобой толковать, – с усмешкой ответил ему Самослав. – Говори, чего

хотел, или проваливай!

– Ты поговори мне, щенок! – налился кровью владыка соседнего рода. Другие владыки его поддержали. – Ишь, нахал какой! Говори, где соль взял!

– А то что? – удивленно спросил Само, незаметно кивнув стоявшему рядом плечистому парню по имени Стоян. Тот натянул аварский лук, легонько тренькнув пальцем по крученной из воловьих жил тетиве. Впрочем, это было лишним, он проверил ее уже не раз. Парень вытащил из колчана стрелу с четырехгранным наконечником, восторженно глядя на добрую работу. Одно удовольствие такой врага упокоить. Владыка своих запасов не пожалел, ведь толстый меховой плащ костяной стрелой можно и не пробить, хоть и стрелял Стоян отменно. Он из всех лучников самым метким был.

– А то сами возьмем твою соль! – торжественно сказал до предела незамутненный сосед. Здесь длинные речевые обороты были не в чести, и Само даже не осознавал, насколько его многословие режет ухо другим словенам. Жизнь тут была простой, а потому и речь была краткой.

– Так ты враг нам? – непритворно удивился Само.

– Да, враг! – крикнул в запальчивости владыка. – Ты соль отдать не хочешь.

– Ты это сам сказал, все слышали! Стоян!

Хмурый неразговорчивый малый выглянул из-за тына, и оперенная стрела пробила грудь незадачливого полководца, благо тот стоял в двадцати шагах от стены и такой подлости не ожидал. Толпа отхлынула назад, а по дереву частокола застучали суетливо брошенные дротики. Пара штук перелетела стену и воткнулась в снег.

– Тут еще наши враги есть? – поинтересовался Само, поднеся ладони ко рту. – Или среди вас только один жадный дурак был?

В толпе налетчиков начались гвалт и ругань. Они пришли грабить привычную словенскую деревню, налетев неожиданно, как и привыкли это делать раньше. Намечавшееся веселье, которое должно было заключаться в дележе чужого имущества, изнасиловании их баб и поджоге домов, было сорвано. Тут настоящая крепость стоит, со стен которой кто-то умелый хорошей стрелой владыку чуть не насквозь пробил. Что такое двадцать шагов для хорошего лука! Армия вторжения была в растерянности.

– Почему не стреляем, владыка? – негромко спросил Горан. – У нас три хороших лука и много стрел. Да пока они поймут, что к чему, десятка три положим.

– Зачем? – поморщился Само. – Да мы через день-другой с ними мед пить будем.

– Мед? – раскрыл рот Горан. – С ними?

– Лют, объясни ему, – устало ответил Самослав.

– Тут, брат, такое дело, – почесал бороду Лют. – Между нами пока крови нет. Этот крикливый дурень не в счет. Взять нас они не смогут, уйти назад тоже, позор это. Значит, либо должны на стену полезть, либо в осаду нас взять, либо сделать вид, что они в гости пришли, а покойный просто глупость сказал, и за это жизнью заплатил. Он же сам нашим врагом назвался.

– Да какая осада зимой? – еще больше удивился Горан. – Они же замерзнут. И еды у них столько нет. А если на стены полезут, мы их в топоры примем. Кровью умоются.

– Так потому тебе владыка и сказал, что мы с ними через пару дней мед пить будем, терпеливо пояснил Лют.

Само ошибся. Они пили мед уже этим вечером. У священного дуба была принесена клятва, что никто не желает зла хозяевам, и ворота города отворились, чтобы впустить туда

владык родов и самых знатных воинов числом два десятка человек. Больше эксцессов не было. Вожди получили в подарок по ножу, а каждый воин – по фунту соли в новой монете. Гости покинули щедрых соседей, старательно забыв о первоначальной цели визита. Каждого из них грела мысль, старательно вложенная в их головы молодой владыкой: Хочешь быть сытым и богатым, дружи с нами! Кто нам враг – того мы убьем, а кто нам друг – у того будет хорошее копье, много еды и довольная баба, которая своего кормильца каждый день кашей с мясом радуется. А каждую ночь – радуется еще кое-чем. Видишь, какие у нас бабы веселые? Вот то-то...

И задумались хорутане. Ишь ты! Тут весна скоро, а у местных ребятишек щеки от сытости лопаются. И это в словенском городище, где в суровую зиму чуть не в каждой семье покойник был. Диво дивное увидели незваные родичи, и стали задумываться, а так ли хорошо по старине жить. Или послушать этого парня, если он в следующем году от настоящего врага отобьется? Они вот, как настоящие соседи, воевать не стали, малышками подарками удовлетворились. А если дулебы нагрянут всей силой? А если баварцы, у которых железного оружия без счета? А если авары пожалуют?

Для того времени авары были inferнальным злом, которому раздробленным словенским племенам и родам противопоставить было совершенно нечего. Дулебские бабы много чего об этом рассказать могли. От того и забивались словене в глухие леса, куда степные всадники ходить не любили. Так что практичные соседи, не сговариваясь, решили посмотреть, что будет дальше. Победит юный владыка – они за ним пойдут. Проиграет, они тоже ему в горло вцепятся. А то ишь, резвый какой...

– Убытки какие, владыка, – чуть не со слезами сказал Збых, когда гости исчезли в белой мгле. – Триста фунтов соли как корова языком...

– Да, дороговато, – поморщился Само. – Но оно того стоит. Соли еще нарубим, а с ними мы вроде как друзья теперь. Поклялись на помощь прийти, если нападет кто. А это стоит того, чтобы лишний раз в горы сходить. А на дочери самого сильного из владык я жениться обещал. У него три штуки на выданье есть. Договорились смотрины провести после жатвы. Скоро лед пойдет, не до того будет.

Лют смотрел со стены на место, ставшее его новым домом. Основательный и практичный мужик незаметно стал правой рукой Само, лоя с полуслова его мысли. Молодой парень, хоть и был почти двужилым, нуждался в помощи. Одному такой груз не унести. И Лют с другими горожанами решили ему в том помогать изо всех сил. Шумный, вечно недовольный Стах так и не дошел до своего тестя. Видимо, волкам на зуб попался. И все эти события говорили родовичам о том, что боги на стороне нового владыки.

Зиму прошли на удивление гладко, и каждый себе в памяти зарубку сделал: Владыка, хоть и молод, да разумен на диво. За все время стужи только трое стариков в Иррий отошли, да двое малых детишек, что сторели от простуды. Почитай, что и ничего. Зато десяток новых ребятишек народился, да все крепыши щекастые. Молока у баб на сытной еде куда как много было.

Инн и Дунай с веселым хрустом сломали ледяной панцирь, который уже истончился до синевы под молодым весенним солнышком. Каша из толстых льдин лениво потащилась вниз по течению, вырывая с корнем старый камыш, прочищая заиленные родники, и отрезав мыс, на котором хотел изначально строиться Самослав. Глупость, конечно, лезть туда без крепкого моста. В сильное половодье унесет дома могучая река, и не заметит. Теплым

языком слизывало снег с полей, открывая сочную зеленую поросль жита, которое славно перезимовало под снегом, и теперь потянулось ростками к дневному светилу. Родовичи, видя густые всходы, напоенные до отвала талой водой, поняли – быть богатому урожаю. А ведь на соседнем поле как обычно посеются, чтобы еще и в конце лета урожай собрать. Чудно-то как! За лето два урожая можно собрать, а одно из полей потом под пар пойдет, и там скотину пасти будут, которая навозом своим землю удобрит. А еще владыка заставил их из жердей загородки собрать, туда слоями траву и ветки заложить, водой поливать и вилами ворошить. Дивились родовичи. На улице уже поздняя осень стояла, а тут трава горячая, словно огонь, того и гляди вспыхнет. Владыка сказал, что через год-два там славное удобрение для истощенной земли получится, особенно для грядок с репой.

Липкая тягучая грязь заперла всех в городке, где мужики и бабы, бесившиеся от скуки, вовсю осваивали шахматы и шашки, играть в которые научил их владыка. Он и сам играл изрядно, да только на третий день у него Збых выиграл. Владыка не обиделся, а наоборот, даже обнял его, и чудное слово сказал про парня:

– Талант!

Поля уже просохли, а в лесах, где снег под густыми кронами лежал куда дольше, грязь по-прежнему была непролазной. Скоро пойдет в Ратисбону караван по торговым делам и за подарками. Десять свадеб в конце весны играть должны, подросли девки и парни. И как-то так получилось, что девки вышли за пришлых изгоев, и в роду остались. А парни из соседней деревни невест привели, и тоже никуда не ушли. А Самослав тогда в задумчивости чесал затылок. Прилегающие земли стремительно заканчивались. Нужно будет села выводить на пустые земли, прикрывая пути нападения засеками. Нужно будет патрули пускать, которые от врага стеречь станут. Дорого это, в страду без рабочих рук оставаться, да деваться некуда. По слухам, дулебы уже дознались, куда их родичи пропали. А еще поняли соседи с того берега Дуная, откуда у нищих хорутан такое хорошее оружие и много скота. Почтенный Хуберт все и рассказал. А что ему скрывать, если весь базар о том знает? Что с того, что дулебы за родичей мстить придут? Ему все равно, кто из словен кому кровь пустит. Кто бы ни победил, пленных все равно на продажу к нему погонят по честной цене. А та цена известна, за одного раба – топор из доброго железа или два копья. Он, Хуберт, уже тридцать лет так торгует. И дети его будут торговать, и внуки, пока неразумные лесовики друг друга будут резать без всякой жалости.

А еще владыка по весне из большой колоды бортъ выдолбил и обжег внутри. Он ее на дерево поднял, недалеко от того места, где дикие пчелы жили. Тех пчел он трогать не велел, а ждет, когда вылетевший рой ту колоду заселит. Родовичи чесали лохматые затылки в недоумении. Они и не знали, что пчел, как коров, водить можно.

– Владыка, владыка! – молодой парнишка из патруля прибежал, вздымая грудь после долгого бега. – Баварцы острог ладят как у нас прямо.

– Где? – подался вперед Самослав. – Новость была скверной.

– День пути на закат! – доложил парень.

– Горана мне найди, – сказал Само, подумав. – Быстро!

Могучий неразговорчивый мужик пришел быстро и вопросительно посмотрел на владыку. По его лицу он догадался, что новости плохие. А ведь скоро им выходить на Ратисбону, земля под весенним солнышком сохла и на глазах наливалась сочной зеленью. Крепкая фигура, состоявшая из тугих узлов мышц, на сытных харчах покрылась легким слоем жира, сделав габариты Горана еще внушительнее.

– Бери парня, – Самослав кивнул на патрульного, – он покажет, где баварцы на землю сесть хотят. Посчитаешь, сколько их там. Мужиков, баб и детей – отдельно. Потом сюда придешь, думать будем. Понял?

Горан кивнул. Владыка научил его считать, как и многих в племени. Раньше всё, что больше десяти было, обозначалось словами вроде «много» и «туча». Хотя, если постараться, то десять десятков тоже были понятной величиной. Дальше уже сложно было. Збых и еще десяток парней помоложе эту науку сразу ухватили, а у Горана в бороде уже седые пряди появились, хоть и могуч по-прежнему. Ему эти новые чудеса, что владыка придумывал, тяжело давались.

Он вернулся через два дня, отмахав по лесным тропам полсотни верст. Вести, и впрямь, были неутешительными. Германцы все-таки сделали еще один шаг в ничейные земли, и столкновение было неизбежным. Владыка тоже времени не терял. Шесть десятков мужиков, годных для похода, бросили ловить рыбу и валить лес. Они проверяли оружие, резали из кости новые наконечники для дротиков, варили рыбий клей из пузырей осетра и готовили припас в дорогу. Охотиться по пути владыка запретил.

– Два десятка семей, – коротко доложил Горан. – Но будет больше, широко строятся. Бревна рубят и дома ставят. Стен нет пока, но скоро будут.

– Мы вот что сделаем..., – сказал владыка, который уже все обдумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5a6>